

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

«ГОРОД ДА СТАНИЦА...»

ГОРОД У МОРЯ

***К 310-летию со дня основания
города Таганрога***

***к 275-летию издания Указа
о постройке Донской флотилии***

***к 200-летию со дня учреждения
Герба Таганрога***

**В двух книгах
Книга первая**

РОСТОВ - НА - ДОНУ
2008

ИЗДАНИЕ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**ФОТОГРАФИИ:
Т. Н. ГРИБИННИК**

**КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЁРСТКА:
Е. И. СОКОЛОВА**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
И. К. ЕРМОЛЕНКО**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В
ОБЛАСТНОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ
БИБЛИОТЕКЕ ДЛЯ СЛЕПЫХ**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

*Где дикий скиф в полях носился,
Сармат где рыскал без дорог,
Вот там теперь у вод Азовских
Стоит наш скромный Таганрог.*

Павел Филевский

*Возле Волги, возле Дона,
У степной реки Миус,
Казачи стоят кордоном,
Стерегут святую Русь.
А над морем, над Азовским,
На крутом яру,
Город – памятник петровский –
Парус на ветру.*

Иван Бондаренко

*Город старинный мой, морем объятый,
Город мой солнечный, город крылатый,
С чеховской лирикой улиц зелёных,
С памятью стен, сединой убелённых...*

Ксения Исхакова

СОДЕРЖАНИЕ:

«...о Таганроге... рассказать...».....	5
Отголосок Меотиды.....	7
Пушкарский приказ постановил.....	24
Донская флотилия.....	44
«...отчаянны оные места».....	64
«Главный предмет будущего года».....	87

«...О ТАГАНРОГЕ... РАССКАЗАТЬ...»

«По-разному возникали в прошлом города на Руси, несходно складывались их судьбы. Одни из них появлялись как города-воины, города-крепости, стражи пограничных рубежей; другие – как средоточие ремесла и торговли; третьи – как административные центры; четвёртые выросли из сёл и деревень.

Немало городов, выполнив свою первоначальную роль, затем сошло с магистральных путей отечественной истории, большая же часть выдержала испытание временем.

Среди них – Таганрог, город, рождение которого неразрывно связано с первыми шагами русского военно-морского флота, с борьбой России за безопасность южных границ, за выход к Азовскому и Чёрному морям», - так начинают своё повествование авторы вышедшего в 1977 году (к 280-летию города) сборника «Таганрог».

Разрешите начать этими же словами своё повествование и нам.

Таганрог был колыбелью морского флота и морской славы России. Отсюда царь Пётр послал впервые на Чёрное море два корабля с символическими названиями «Крепость» и «Благое начало».

Имя первого российского императора навсегда вписано в историю Таганрога – именно он и дал городу жизнь.

Но не только царские особы принимали участие в судьбе этого населённого пункта.

Таганрог дал России и миру немало выдающихся людей.

С этим городом связаны имена:

- поэта-песенника Михаила Танича;
- революционеров Петра Шмидта и Джузеппе Гарибальди;
- писателей Константина Паустовского и Ивана Василенко;
- композиторов Модеста Мусоргского и Петра Чайковского;
- первого советского джазмена Валентина Парнаха;
- дрессировщика Анатолия Дурова;
- художников Константина Савицкого и Архипа Куинджи;
- певицы Елены Образцовой;
- изобретателя миномета Леонида Гобято;
- авиаконструкторов Георгия Бериева, Роберта Бартини и Владимира Петлякова;
- литератора и общественного деятеля Нестора Кукольника;
- хирурга Николая Богораза
и многих других.

В Таганроге же родилась – занесённая в десятку лучших актрис мира – непревзойдённая Фаина Георгиевна Раневская.

И Таганрог – это родина великого писателя, драматурга и гуманиста Антона Павловича Чехова.

На мировом уровне признаются два сочинителя комедий и трагедий – Шекспир и Чехов.

*Наверное, нельзя о Таганроге,
про Чехова не вспомнив,
рассказать? –
отметил всё тот же Танич.*

Современная молодёжь, которая никогда не была в Таганроге, знает о нём из песен «Машины Времени» и «Аквариума»:

И оба сошли где-то под Таганрогом, среди бескрайних полей...

В городе Таганроге есть два Звёздных проспекта...

Много в Таганроге интересных мест: жемчужина Юга России дворец Алфераки; скромный домик великого Чехова; особняк императора Александра I и, конечно же, величественный архитектурный ансамбль, центром которого становится Пушкинская набережная.

Причём последний, надо полагать, войдёт не только в энциклопедию города и российский реестр памятников культуры, но и во Всемирную историю, ибо летопись этого небольшого участка суши и моря уходит далеко в глубь веков, за несколько тысячелетий до нашей эры...

ОТГОЛОСОК МЕОТИДЫ

В экспозиции Ростовского краеведческого музея представлены вместе уникальные изделия древних обитателей Приазовья – и скифов, и сарматов.

Интерес посетителей выставки прикован, в основном, именно к этим изящным золотым вещицам.

Однако для археологов наибольшую ценность представляют менее яркие экспонаты.

Такие, например, как амфоры и килики (древнегреческие сосуды для вина), обнаруженные в районе

современного Таганрога.

И вот эти-то таганрогские находки заставили научный мир планеты серьёзно усомниться в том, что первым греческим поселением в северном Причерноморье (как всегда считалось) была колония на острове Березань (что в устье Днепра).

Доказательством тому служат фрагменты керамики милетских греков, датированные серединой VII века до н. э., которые и сегодня продолжают выносить волны Азовского моря прямо – на таганрогский городской пляж.

Археологические исследования, проведённые 70 лет назад, установили, что на месте нынешнего Таганрога в VII веке до н. э. существовало греческое поселение Кремны, со временем разрушенное постоянными набегами кочевников.

Это открытие является для нашей страны исторически важным и позволяет Таганрогу, наряду с уральским Аркаимом, претендовать на звание одного из самых древних городов на территории бывшего СССР!

В эпоху активной колонизации бассейна Чёрного моря итальянцами – примерно в XIII столетии уже нашей эры – здесь был построен город-порт Пизано. Об этом городе известно мало, ничем особенным он не выделялся (был самой обыкновенной торговой гаванью в числе таких же, пёстро разбросанных по всему Средиземноморью), погоды в мировой истории

не сделал и тихо канул в Лету.

Но вот греческое поселение...

Первое дошедшее до нас упоминание о городе Кремны встречается в трудах Геродота.

Однако никаких сведений о том, что отец истории бывал на Азовском море, нет. Сам он обычно упоминает свидетельства очевидцев. А потому точное описание нам оставил, бросив лишь небрежное замечание о том, что находится этот порт в удобной гавани в северо-восточной части Меотиды – Азовского моря.

Правда, историкам известно, что основным информатором Геродота был приближённый скифского царя – то есть, рассуждая логически, ему должна была быть хорошо известна милетская колония Кремны.

Так вот, по версии учёных, развалины этой колонии скрываются на дне Таганрогского залива.

- Скорее всего, город находился на косе, которая потом скрылась под водой. Раскопки на дне Азовского моря могут подтвердить наши догадки о том, что древние греки прошли Босфор и Керченский пролив и впервые встретились со скифами в районе Таганрога, - говорит Павел Анатольевич Ларенок, начальник археологической экспедиции при Ростовском региональном отделении Всероссийского общества охраны памятников и культуры (РО ВООПиК). - Коллеги, изучавшие в течение многих лет древнегреческое поселение в Березани, имеют гораздо меньше образцов, относящихся к ранним древнегреческим поселениям середины VII века до н. э., чем мы.

...При этом в наших руках только то, что выбрасывает море, а это более 20 тысяч образцов керамики.

До сих пор бытует мнение, что в наших краях жили преимущественно кочевники. Мы имеем шанс доказать, что это не так. По-видимому, древних греков, поселившихся на побережье Азовского моря, привлекали удобные торговые пути, плодородные земли и обилие рыбы.

Если же нам посчастливится откопать и некрополь с останками жителей этого города, то это будет настоящая сенсация масштаба этрусских гробниц! В этом случае мы сможем исследовать не фрагменты, а целые вещи, получим возможность чётко их датировать.

Постоянно выбрасываемые после шторма, а также вынутые из специально проложенных шурфов черепки позволяют предположить, что вот именно здесь – между последним фонарём Пушкинской набережной и началом сооружений порта – и находилось крупное греческое поселение.

А вот Кремны это или нет – и предстоит либо доказать, либо опровергнуть.

Первые фрагменты керамики, аналогичные тем, что находили при раскопках греческих поселений в Малой Азии, попали в руки местных археологов ещё в 30-е годы прошлого века, когда в Таганроге выводили в море канализационный коллектор.

Десятилетием позже на берега Дона приезжала сотрудница Эрмитажа Татьяна Книпович – крупнейший специалист в области археологии. Она-то впервые и высказала предположение о том, что в этом районе может находиться достаточно крупное поселение.

Потом была война, и о древнем городе под водой надолго забыли.

А пять лет назад РО ВООПИК и Свободный Берлинский университет подписали соглашение о сотрудничестве в поиске этого эллинского поселения.

К сожалению, экспедиция длится только один месяц в году – так согласовано с немецкими коллегами. Они же проект и финансируют. План раскопок на год определяется по результатам года предыдущего.

В экспедиции участвуют сотрудники Российского института археологии РАН, Донского археологического общества и Берлинского института археологии.

С немецкой стороны руководит экспедицией доктор Ортвин Дали, вице-президент Берлинского института археологии, с российской – Павел Ларенок.

Весь проект оценен приблизительно в 150 тысяч евро.

Зарубежным археологам крайне интересен этот новый памятник античности на Азовском побережье – находки, хотя и немногочисленны, но многообещающие.

- Для начала нам необходимо изучить структуру морского дна, - отмечает доктор Дали. - У нас есть специальная аппаратура для проведения геомагнитного исследования. В Азовском море, надеюсь, это будет несложно – здесь небольшая глубина и мало кораблей. Думаю, работы нам хватит не на один год.

Уже несколько сезонов на берегу Таганрогского залива встречаются учёные двух стран.

Исследования августа 2006 года дали возможность обнаружить остатки амфор, которые, как считают историки, прибыли на этот берег из древнегреческого Фасоса.

На практике здесь уже побывали студенты Ростова, Таганрога и Берлина.

При раскопках вблизи набережной найдены остатки древней каменной вымостки (мостовой) – её ширина более четырёх метров; а также остатки двух средневековых поселений VIII-X и XII-XIII веков с осколками посуды из Константинополя.

Это говорит о том, что берег Азовского моря для торговых факторий был местом очень привлекательным и не пустовал никогда.

Большая часть поселения затоплена, меньшая – сохранилась на берегу под складскими помещениями позапрошлого века.

Сейчас продолжают исследования на побережье. И начаты в Таганрогском заливе исследования подводные.

В Азовских водах археологические изыскания ранее никогда не велись.

На дне Чёрного моря когда-то что-то раскапывали, но условия работы там куда проще – глубина большая и от этого – прозрачнее вода. В море же Азовском – очень сильная заиленность, под водой почти ничего не видно.

Поэтому в ходе раскопок решено было использовать особую систему, работающую по принципу кессона.

Изыскания проходили при помощи специалистов Воронежского центра подводных исследований, которые привезли для этого своё оборудование.

Суть метода заключается в том, что бетонная труба диаметром около метра постепенно погружается в берег, и к концу работы экспедиции она должна достигнуть глубины в четыре метра, где, как предпола-

гают археологи, и залегает культурный слой VIII-VI веков до н. э.

- И вот теперь первый, уникальный опыт, когда с помощью железной трубы мы попытаемся пройти наносные слои. Может быть, нам повезёт и мы увидим кусочек живого греческого слоя, который находится ниже уровня моря, - говорит Ларенок. - ...Ценность этого места в том, что это северное греческое поселение – самое древнее на территории России... Для сравнения: Танаис на 300 лет моложе этого места, расположившегося на берегу Таганрогского залива. В мире известны только два древнегреческих поселения, имеющие подобную ценность, – на острове Березань, Украина, и на территории современного селения Истрия в Румынии.

Вот две тёмных полосы на пятиметровой глубине – это и есть так называемый культурный слой тех далёких веков, вероятное место греческой пристани. В то время уровень моря был на пять метров ниже современного, а берег гораздо дальше.

Пока рано говорить обо всей площади поселения, будем ждать, какой ответ преподнесут работающие буровые мини-машины.

- Можно без преувеличения сказать, что археологическая общественность мира с интересом следит за ходом нашего совместного проекта, - констатирует Виктор Копылов, профессор Ростовского педагогического университета. И далее почти слово в слово повторяет Ларенка, - В результате наших изысканий могут быть получены доказательства гипотезы о том, что первое древнегреческое поселение в Северном

Причерноморье – город Кремны – было расположено в районе нынешнего Таганрогского залива, а не на украинском острове Березань, как принято считать. А это уже серьёзное археологическое открытие.

В этот исторический промежуток (VII-VI века до н. э.) как раз и происходила великая греческая колонизация. Отсюда и загадка – почему же это древние греки миновали Крым, Тамань и другие тёплые места и забрались так далеко на Север, в устье Дона?

Сама колония просуществовала сравнительно недолго – около 70 лет. В то время скифы (в основном населявшие эту территорию) находились в походах в Закавказье и на Ближнем Востоке, а некоторые племена добрались и до границ Египта.

Возвратившись с поля брани, воинственные хозяева обнаружили непрошенных гостей – вот это самое греческое поселение. И, по всей видимости, просто его разрушили.

По мнению Павла Ларенка, исследования можно признать вполне успешными. Составлена археологическая карта части Таганрога, на которой обозначены места, перспективные в плане будущих поисков. Сделаны попытки провести раскопки на шестиметровой глубине.

Впервые нашли кости – человеческие и собачьи. Археологи чётко датируют: есть город IV века до н. э. и есть город VI века до н.э. Один и тот же, или же разные – с этим ещё не разобрались.

В следующем году раскопки перейдут уже на другое место на территории Пушкинской набережной.

Всё, что за время работы российско-немецкой экспедиции удастся найти, предполагается передать в

Таганрогский музей-заповедник.

А пока всё раскопанное законсервировано.

Вообще-то, Пушкинская набережная подносила сюрпризы и ранее.

В местном краеведческом музее хранятся записки Михаила Миллера, историка, работавшего в Таганроге в 20-х годах прошлого века. Производя раскопки возле дома семьи Чайковского, он наткнулся на старинное «матросское» захоронение, которое датировал началом XVIII века. Миллер обнаружил даже несколько погребальных склепов, в которых, по всей видимости, лежат останки командного состава первого гарнизона Троицкой цитадели.

А не так давно у дома Чайковского местные энтузиасты, занимающиеся биолокацией, обнаружили останки фундамента каменной башни, возраст которой, по их подсчётам, настолько впечатляющ, что не подлежит определению на скорую руку.

А среди местных архитекторов и реставраторов давно ходит весьма интересная байка, основанная на реальных фактах.

Вот информация с одного из городских сайтов.

«Это случилось ещё во времена горсовета, когда местные власти вознамерились построить на Каменной лестнице фуникулёр. Как полагается, строители копали углубление под многометровые сваи для опор подъёмного механизма. Вдруг, после того как экскаватор в очередной раз зачерпнул ковшем землю у подножия склона, на котором стоит дом Чай-

ковского, раздался страшный скрежет и откуда-то из-под земли на поверхность полилась зеленовато-бурая жидкость, напоминающая разбушевавшуюся биомассу в фантастических фильмах.

Спустя несколько минут к строителям подбежали работники нотного-музыкального отдела библиотеки им. А. П. Чехова и сообщили, что особняк Чайковского ни с того ни с сего затрещал и кое-где посыпалась штукатурка.

Экскаваторщик мигом засыпал яму, строительные работы в тот же день были прекращены, и Таганрог навсегда распрощался с мыслью о фуникулёре на Каменной лестнице.

Когда стали расследовать причины провала проекта, оказалось, что дом Чайковского стоит на каменном подвале какого-то доисторического сооружения, напоминающего маяк или сторожевую башню.

Как оказалось, водоотвод существовавших ранее на территории особняка бассейна и, простите, отхожих мест, уходил в древний подвал. По всей видимости, бульдозерист повредил каменную кладку башни и зеленовато-бурая жидкость хлынула на поверхность, осадив тем самым фундамент дома Чайковского.

Какой народ построил древнюю башню на крутом берегу Меотиды? Сколько веков она простояла, пока не сравнялась с землей и не стала фундаментом для особняка брата великого композитора? На эти вопросы не так уж сложно найти ответ.

Не так давно вышла книга «Таганрогское поселение», повествующая о древнем городе, который находится в Таганрогском заливе напротив... Пушкинской набережной.

Это не фантастическая повесть. Её авторы – доцент РГУ, научные сотрудники Таганрогского музея-заповедника и Танаисской экспедиции. Факты, изложенные в книге, выдержали серьёзную проверку специалистов, так что достоверность её, подтверждённая находками, сделанными в районе древнего поселения, не вызывает сомнений.

Итак, в 1960 году в заливе, на глубине одного метра был обнаружен мол (представляющий собой земляную, покрытую щебнем насыпь шириной 8-12 метров). Он начинается в 50 шагах от берега в северо-восточной части залива, напротив доисторической башни и уходит в море на расстояние около 330 метров.

Историки полагают, что мол относится к портовым сооружениям самой северной торговой древнегреческой фактории VII-VI веков до нашей эры!!! Около мола было найдено множество обломков, а иногда и практически целых предметов античной утвари. Принято считать, что в Таганрогском заливе находилось древнее поселение, удалённое от берега не менее чем на 125 метров. Такую характеристику останков древнего города можно найти и в монографии Г. Разумова и М. Хасина «Тонущие города».

Предположительное время существования Таганрогского поселения приходится на фанагорийскую стадию, во время которой на месте нынешнего Азовского моря образовалось заболоченное пресноводное Меотическое озеро, более известное как Скифские пруды или Меотидское болото...

Что же за город находился прямо напротив сегодняшней Пушкинской набережной?

...Малочисленные письменные источники не позволяют точно установить начало колонизации Меотиды. У Плиния Старшего, который в своих трудах использовал сведения, почерпнутые от ионийских писателей, можно найти информацию о том, что в области устья Танаиса вначале проживали карийцы.

Геродот же сообщил, что в Меотиде находятся города Милет, Миунт и Присны.

По версии современных историков, Геродот и Плиний Старший называли карийцами жителей греческих городов. Косвенное подтверждение тому – таганрогские «черепки», которые имеют ближайшие аналоги в материалах греческих колоний. Кроме того, анализ письменных источников и археологических материалов позволяет с достаточной уверенностью высказать предположение, что метрополией греческой колонии в районе Таганрога является именно Милет.

А теперь давайте вспомним геродотовский миф об амазонках, где упоминается детище Милета – гавань Кремны. Многие исследователи безуспешно искали её на всем побережье северной Меотиды – от устья Танаиса до Крымского полуострова. Накопленные сегодня археологические материалы с большим процентом вероятности позволяют идентифицировать Кремны с Таганрогском поселением.

Итак, тысячелетний миф обрёл реальные очертания, благодаря фактам, проявившимся у нас под самым носом.

Невероятно, но это действительно случилось возле Пушкинской набережной... – Таганрог открывает дверь в большую историю».

Что рассказывают легенды?

Скифия была далёкой, могущественной и сказочно богатой страной: хлебом она снабжала Грецию, рыбой славилась, о золоте её мечтали многие... Подобно древним египтянам, троянцам, фракийцам, скифы признавали лишь золото, и поэтому считалось модным приторачивать к поясу золотую чашу.

На вопрос, откуда у них золото, скифы отвечали, что скифские куры несут золотые яйца. Так что наша сказка про курочку-рябу, возможно, имеет какие-то скифские мотивы.

Гавань Кремны на берегу бухты-лукоморья являлась у этого народа сакральным центром, куда корабли привозили золото и где в укрытых мастерских золотых дел мастера чеканили священные для скифов предметы для живых царей и для мёртвых – чтоб положить в курган.

Откуда приходило золото, где грузили его, чтобы доставить в Скифию – навсегда осталось их тайной.

Впоследствии на эту бухту указали царю Петру I донские казаки, потомки скифов и сарматов – они помнили места своих древнейших святилищ.

Так что Таганрогу, официально отмечающему своё 310-летие, на самом деле, по всей видимости, не меньше двух с половиной – трёх тысяч лет!

Давайте ещё раз обратимся к запискам Галикарнасского отца истории.

Геродот приводит интересный рассказ о происхождении савроматов. По его словам, легендарным амазонкам (потерпевшим поражение в битвах с греками

под стенами Трои) пришлось – не по своей воле – приплыть на кораблях к побережью Меотиды. Там было скифское поселение. Это произошло на северном побережье, у гавани Кремны, недалеко от реки Танаис.

«К местечку Кремны на Меотийском озере пристали три корабля с вооружёнными женщинами из Термодонта (река в Каппадокии – местности, где в своё время обосновались киммерийцы)».

Со временем случилась любовь – уродами-то скифские юноши явно не были! После заключения браков, не желая оставаться в скифских пределах, молодые семьи прародителей савроматов из Скифии удалились.

Далее Геродот сообщает:

«Переправившись через Танаис, они шли к востоку три дня спустя от Танаиса и три же от озера Меотиды к северу. Пришедши в местность, которую занимают и теперь, они поселились там. Отсюда савроматские женщины исстари ведут свой образ жизни: они ездят верхом на охоту с мужьями и без них, выходят на войну и носят одинаковую с мужчинами одежду».

Не исключено, что в легенде о происхождении савроматов нашли отражение реальные события, связанные с формированием нового союза родственных племен кочевников, живших на территории Подонья-Приазовья и части кочевников, вернувшихся из переднеазиатских походов

Разновариантных рассказов об амазонках очень много, хотя, скорей всего, никто из сказителей никогда их не видел. Мифы о них из века в век подпитывались фантазией самих авторов и пересказами со слов «очевидцев».

С греческого это понятие почему-то переводят как «безгрудая», хотя последние изыскания опровергают подобное: ничего себе амазонки не выжигали.

Во-первых, чего же себя этак уродовать? Женщины ведь!

Во-вторых, *«с одной сиськой дитяти не выкормить»*. Возможно, амазонки (как в средневековье – испанки) грудь просто туго бинтовали. (Хотя некоторые учёные утверждают, что они своих младенцев вовсе и не выкармливали...)

А в-третьих, запросто можно – либо от потери крови, либо от её заражения – намного раньше намеченного срока попасть в царство мёртвых.

Это всё прекрасные воительницы понимали прекрасно – ну, не идиотки ж они!

А племена их были не так, чтобы уж очень многочисленны; и жизнь каждой представительницы имела право почётно оборваться лишь на поле боя! В повседневности же, наоборот, они себя очень берегли – именно для боя.

Существует ещё одна версия: возможно, рассказы об амазонках имеют наше, Кавказское происхождение.

Путешественникам на Кавказ черкесы побережья рассказывали быль о горском народе женщин-воинов. Их имя – «еммиджь», «эмматч», в принятой транскрипции – «амаз». У адыгов и абхазов «амза» – *«одинокая как луна, лунолика»*.

От «амза» и «эмматч» совсем недалеко до «амазонки».

200 лет назад российский академик Павел Услар зарожждение легенд о воинственных девах увидел в обычаях и ритуалах черкешенок, в особенностях традиционной одежды горянок. На девочку с 10 лет надевали тесный корсет, препятствующий росту груди, – корсет, который в первую брачную ночь разрезал кончиком кинжала муж черкешенки. В наборе девичьей одежды была и особая юбка с разрезами – для конных скачек.

В подобном цветном уборе да с нагайкой в руке вошла царица Эмматчам-мах в шатёр к черкесскому князю Тулме.

Такой убор сохранился на античных вазах.

И есть он даже на портрете бабушки сегодняшней горянки...

Сотни этнографических деталей, зафиксированных в источниках с древнейших времён и до начала XX века, отражают реальное существование на Кавказе элитарной девичьей военной группы, а не изолированной общины воинов – женщин. Девушек-адыгеек учили верховой езде и стрельбе из лука и ружей.

Ещё сохранялась, например, абсолютная – совершенно незнакомая европейцам (поразившая даже знаменитого писателя Александра Дюма) – свобода девушек-горянок до замужества.

А на генуэзских картах XIV века (возможно, ошибочно) – как Кремны – был помечен нынешний город Славянк-на-Кубани!

То есть, опять же Кавказ!

По словам соавтора «Таганрогского поселения» научного сотрудника местного музея-заповедника Марины Мячиной, *«несмотря на неоспоримые факты, никто из учёных пока не решается с полной гарантией заявить, что именно мифические Кремны расположены в двух шагах от Таганрога»*.

Ну, греческое поселение, ну, очень похоже на то, о котором упоминал Геродот...

Но ведь, образно говоря, тысячелетнюю табличку с надписью «Кремны» никто из воды пока не поднимал...

И тем не менее, большинство историков склоняются к мысли, что под Таганрогом ранее существовали именно мифические Кремны.

И даже если учёные прямо об этом не говорят (род занятий не позволяет им делать заключение без 120-процентной гарантии), то они всячески намекают на это.

Впрочем, табличка с надписью «Кремны» на Пушкинской набережной появилась.

К 300-летию города местные власти установили мемориальную доску, которая извещает таганрожцев и гостей города о том, что в сотне метров от них много веков назад находилась греческая торговая фактория.

Морские волны скрыли её от людских глаз, время практически стёрло с лица земли, но память потомков, передаваемая на протяжении тысячелетий из поколения в поколение, осталась!

Возможно, именно это и впишет Таганрог в учебники Всемирной истории.

Правда, произойдёт это только тогда, когда Россия найдёт деньги для того, чтобы заглянуть в своё про-

шное.

А пока будем наслаждаться неповторимым видом Пушкинской набережной и Каменной лестницы. Этого у нас не отнять никому...

И будем надеяться на то, что когда-нибудь мы с уверенностью скажем: пойдём на Пушкинскую набережную, погуляем у города, о котором писал Геродот...

А ровно 100 лет назад, в 1908 году Генрих Гессе написал рассказ «Осада Кремны».

Речь идёт о времени правления в Риме так называемых «иллирийских императоров» (вторая половина III века н. э.), когда римские власти столкнулись со множеством восстаний в провинциях.

Известно, что Гессе изучал труды Геродота.

Тот городок Кремны существует в Италии и поныне.

...Но кто знает, возможно, сюжет рассказа немецкому писателю был навеян упоминаниями греческого историка о поселении на берегах Меотиды?

ПУШКАРСКИЙ ПРИКАЗ ПОСТАНОВИЛ...

После долгих лет забвения на Дону в 1990 году начался непростой, противоречивый процесс возрождения казачества. Представители политических партий, движений, журналисты, историки, потомки казачьих родов вели острые дискуссии об исторической судьбе казачества, местах его расселения и других важных проблемах возрождения донцов.

Не миновали сии дискуссии и Таганрог.

В 1992 году здесь появились общественные казачьи организации. Естественно, казаки остро нуждались в историческом обосновании своей деятельности в городе и поэтому некоторые из них горячо заявляли, что раз Таганрог расположен на Донской земле, значит, это город казачий.

В ответ на подобные декларации изумленные обыватели указывали, что Таганрог исторически сформировался как торгово-купеческий, а затем и индустриальный город; казаков же здесь отродясь не было!

Однако существует и третья точка зрения. Она состоит в том, чтобы прекратить обмениваться взаимоисключающими заявлениями и спокойно изучить архивные, исторические источники на сей счёт, а затем делать выводы.

Это, разумеется, труднее, чем привычно повторять стереотипные фразы и с кулаками доказывать сомнительную правоту...

О чём же повествуют нам исторические источники?

Итак, архивные документы утверждают, что казачество, как мощная сила, противостоящая турецко-татарской агрессии, проявило себя в Приазовье с начала XVII века. Это было время крупных морских походов против Османской империи и Крымского ханства. В связи с тем, что устье Дона и Днепра было плотно перекрыто турецкими форт-постами, донские и запорожские казаки часто пользовались для выхода в Азовское море устьем Миуса. Множество раз на своих стругах и «чайках» после удачных налётов на берега Крыма и Турции они возвраща-

лись через Миусский лиман.

Известно около 20 крупных совместных походов (с 1614 по 1645 год) запорожцев и донцов. Порой в сражениях участвовало до 12 тысяч ружей! И до 350 малых судов!

Длительное время казаки были единственной силой на Юге страны, которая не только оборонялась, но и атаковала турецко-татарские военные базы.

Не раз столица могучей Османской империи Стамбул была объята ужасом, услышав грозный боевой клич казаков, мстящих за угон в рабство десятков тысяч русских людей.

Первые попытки пробиться к южным морям Россия предприняла ещё в 80-е годы XVII века, в период правления Софьи. Русские войска дважды – в 1687 и 1689 годах – ходили на Крым, но безрезультатно.

Однако к концу XVII века государство Российское окрепло, и войска Петра Великого при мощной поддержке 20 тысяч донских и запорожских казаков взяли, наконец, оплот турецкой агрессии в Приазовье (кстати, первыми на крепостные стены ворвался сводный отряд именно донцов и запорожцев).

Весной 1696 года флотилия спустилась по Дону к морю. Азов был блокирован полностью, и 18 июля гарнизон капитулировал; а через три дня пала турецкая крепость Лютик, прикрывавшая выход в море по Мёртвому Донцу.

Турецкий флот был сильнее, но его казаки сожгли. Сухопутное войско воеводы Алексея Семёновича Шеина осадило Азов с суши. За эту заслугу Шеину будет пожаловано звание генералиссимуса – впервые в России.

Армию Пётр создал крепкую. Но одной армии мало.

Без флота на Азовском море (а в прогнозах, и на Чёрном) – империя – не империя!

26 июля 1696 года – через неделю после Азовской баталии – царь-реформатор лично осматривал мелководье Дона – искал место для гавани.

Дело было наиважнейшее, поскольку, как писал сам государь, *«гавань – это начало и конец флота, без ней есть ли флот или нет его – всё равно»*.

Мелководный район не приглянулся. И Пётр занялся немедленно поиском более глубокой бухты. Августейшие галеры направились к устью Дона, но – опять-таки – мелководье не позволило судам выйти в море.

Поэтому будущий император утром 27 июля перешёл в казачьи лодки.

Казачьи, великолепно знающие ещё по давним своим морским походам Азовское море, привезли Петра к далеко выступающему мысу, который они именовали Таганий Рог или таган-рог.

Название этого урочища выводят из тюркского *«таган – подставка для котла, треножник»* и русского *«рог – мыс»* – то есть *«мыс, на котором была подставка для огня»*.

Иначе – *«маяк»*.

С середины XVIII столетия за городом закрепляется название Таганрог.

«Название Таганрога произошло несомненно от слова «таган» по-татарски треножник, и «рог» т. е. мыс или выступ. На Днепре «рогами» называют отмель или песчаную косу. Попытка документально объяснить наименование рога таган решительно не увенчалась успехом, – остаётся предположением», –

писал в 1896 году в «Истории города Таганрога» краевед Павел Филевский.

Разрешите сейчас намного отвлечься.

В нашем рассказе мы часто будем ссылаться на свидетельства этого человека, поэтому – несколько строк.

Павел Петрович Филевский окончил Харьковский университет, работал учителем.

Его называют первым историком города Таганрога.

Был несколько раз арестован *«не за определённые деяния, а просто, по мнению властей»*, как социально опасный.

Половина его жизни прошла при царском режиме, другая при Советской власти, которую он встретил явно недоброжелательно, и при всяком удобном случае указывал на это.

Свои впечатления о прожитом Филевский изложил в двух трудах: «Записки», объёмом в 448 страниц и «Дневник» объёмом в 476 страниц. Писались они на чистой, оборотной стороне канцелярских деловых бумаг дореволюционной России.

«Записки» охватывают период до советского периода, «Дневник» – с 1 ноября 1930 года по 26 июня 1941 года, хотя, возможно, и было продолжение, но обнаружить его не удалось, а было бы интересно узнать о днях пребывания немцев в Таганроге из уст Филевского.

Павел Петрович прожил долгую и сложную жизнь и умер в 1951 году в возрасте 95 лет.

Вот некоторые примеры его записей:

«...Хотя я был не из блестящих учеников гимназии по отметкам, и не получил ни золотой, ни серебряной медали при окончании, а только отметку об исключительной исправности: с пятого класса и до окончания VIII класса и не пропустил ни одного урока, то начальство гимназии меня отличало, и из каких-то сумм выделило мне для продолжения учёбы 150 рублей. Я один получил такое пособие и без всякой просьбы, даже не знал, что такие субсидии выдаются.

...27 апреля 1933 года в три часа ночи явились с обыском из Государственного Политического Управления. Перерыли всё, взяли несколько писем и книжек и арестовали. ...Мой допрос продолжался около двух часов. Говорили о моей деятельности, о моих исторических трудах, при этом (следователь) вынул из ящика мою «Историю Таганрога» и сказал: «Я прочитал вашу книгу». В это время вошёл в комнату начальник Государственного Управления и, увидев меня, сказал: - «Мы опять с вами встретились». (Это он меня хотел выселить из квартиры). Следователь, передавая ему «Историю Таганрога», сказал, что это труд Филевского, на что тот, обращаясь ко мне, сказал: «А так вы не только капиталист и монархист, а ещё и писатель».

...Самое главное в моей деятельности было то, что, прослужив учителем 44 года, я всегда шёл на уроки с удовольствием, иногда просто с наслаждением».

Итак, царь измерил в урочище глубину моря – нормально, а ещё на самом мысу нашёл родник пресной воды.

По преданию, Пётр поднялся на мыс из бухты в районе современного рыбозавода, а его палатка была раскинута на месте, где сейчас расположена Никольская церковь.

Дополнительные поиски более удобного места ни к чему не привели, и было решено остановиться на этом мысе. Царь ударил посохом – «*быть по сему!*» – вот примерно так и определилось место для первой российской военно-морской гавани.

Здесь и были основаны Троицкая крепость (название по церкви, освящённой во имя Святой Троицы) и порт, которые и послужили базой Азовского флота.

...Забегая вперёд, отметим, что Таганрогский залив в месте впадения в него Дона очень мелкий, и строить здесь гавань и доки было совершенно нерентабельно.

Кончилось всё тем, что вековые дубовые леса понад Доном исчезли навсегда, изведённые на фрегаты и галеры.

А тем – суждено было на мелководье сгнить.

Проплыть они не могли, а разбирать их, перевозить посуху и собирать в другом месте – по новой – всем просто осточертело.

Да и ломались они во время транспортировок по российским-то дорогам – три загиба на версту...

Это сейчас по заливу ходят морские суда – по дну его проведён искусственный канал длиной 24 километра и шириной 75 метров. Состоит канал из двух колен и обозначен морскими буйами.

Но это сейчас.

А тогда...

12 сентября 1698 года Московский Пушкарский приказ Боярской Думы постановил:

«Пристани морского каравана судам по осмотру и чертежу, каков прислан за рукою итальянской земли капитана Матвея Симунта, быть у Таганрога... а для береженья той пристани на берегу сделать шанец, чтобы в том шанце ратным людям зимовать было мочно».

Эту дату принято считать официальным днём рождения города.

Таганрог – один из первых русских городов, строительство которого шло по заранее разработанному плану. Проект планировки создан в 1699 году на основе указаний Петра: в то время он здесь жил и самолично следил за ходом застройки!

А велись работы по проекту датчанина Рейнольда Рейгузина.

В том же 1698 году на Миусе появилась первая партия казаков. Прописано и имя их первого атамана – *«Исай Соболев со товарищами».*

Миусские конные и пешие казаки составили с солдатами, пушкарями и матросами первый гарнизон будущего порта.

Именно поэтому в 2008 году казаки отмечают также не только юбилей города, но и 310-летие начала своей службы в крепости.

Таганрогская гавань представляла собой неправильный четырехугольник площадью водной поверх-

ности 774 тысячи квадратных метров; перед гаванью, в трёх километрах, возвышался остров Черепашка, насыпанный по приказу царя.

Это был первый в истории России искусственный порт на открытом морском побережье. На нём стоял маяк.

Своим названием остров обязан ракушкам, из которых был намыт – местные жители называют их черепашками.

Конструкция молов и фундамента форта-маяка, по тем временам была самой современной – между рядами дубовых свай, вбитых в морское дно, закладывали деревянные ящики с камнями.

Всего забили более тридцати тысяч свай и заложили более пятидесяти тысяч кубометров камня. Материалы подвозили на телегах и лодках, а все строительные и земляные работы выполняли вручную.

Первыми строителями Таганрога были солдаты. Затем возведение города, крепости и гавани велось руками работных и ремесленных людей, которых ежегодно направляли сюда со всех концов европейской части России в порядке отбывания чрезвычайно тягостной натуральной трудовой повинности.

С 1701 года на строительстве укреплений и портовых сооружений постоянно трудилось несколько тысяч человек: мобилизованные крестьяне, заключённые, пленные шведы, солдаты гарнизона.

Труд был в полном смысле слова каторжным. Люди болели и умирали, их заменяли новыми – но дело двигалось, и это оправдывало всё!..

Руководили возведением основных военных объектов приглашённые в Россию иностранные специалисты.

По указанию русского правительства таганрогские воеводы, а впоследствии губернатор Иван Толстой, обязывались систематически «досматривать» за их работой и «свидетельствовать» соответствие выполняемых работ утверждённым Петром I планам.

Видную роль в строительстве города играли русские мастера и подмастерья Московского приказа каменных дел и, прежде всего – выдающийся русский зодчий, автор замечательных архитектурных сооружений в Москве и Киеве – Осип Старцев. Под его непосредственным началом возводились огромные каменные магазины-склады, городские палаты, соборная церковь.

При сооружении строители решили ряд сложных технических задач. Опыт таганрогского портостроительства был широко использован в последующее время в России и высоко оценен за рубежом.

Немецкий генерал Христофор Герман Манштейн в своих записках о России отмечал: *«...Он (Пётр) устроил на Азовском море в местности, именуемой Таганрог, прекрасную гавань, названную им Троица, в которой суда, пройдя без груза устьем Дона, под Азовом окончательно вооружались и могли стоять совершенно безопасно. Все, видевшие эту гавань, сознаются, что это одна из наилучших гаваней Европы».*

Название, данное крепости Петром I не прижилось, её обычно называли Троицкий-на-Таган-Роге, Троецк, хотя употреблялось и Таган-рог-город, и просто Таганрог.

Эта пятиугольной формы возведённая на мысу земляная крепость имела высокий главный вал и глубокий ров. В 1711 году её артиллерийское оснащение составляли 293 пушки и 40 гаубиц. В гавани и на острове Черепашка располагались ещё 127 пушек.

Внутри крепости были построены 206 каменных домов для размещения гарнизона и гражданского населения на случай осады.

Помимо административных и культовых зданий и военных объектов, ещё возвели царский дворец, дворы ближайших царских сподвижников, начальных людей, священнослужителей, российских и иностранных матросов.

Дворы солдат, пушкарей, служивых ремесленников, посадских людей и пашенных крестьян разместили за пределами вала в шести пригородных слободках.

Здесь создавался мощный укрепрайон: Троицкая крепость защищала гавань, а Миусский полуостров отделялся от материка валом высотой в 3 метра и длиной около 8 километров.

На концах этой линии возвели крепостцы: Павловскую у Миуса и Черепашинскую на берегу моря. При впадении Миусского лимана в море у Беглицкой косы построили крепость Семёновскую.

Валы крепостей были земляными. Такими их строили не только из-за спешности дела и отсутствия на месте прочного камня. Земляные укрепления хорошо выдерживали артиллерийский огонь: их практически нельзя разбить, а небольшие повреждения гарнизон мог быстро исправить. По их гребню проходила сложенная из камня «стена за грудного боя» – защитники стреляли из-за неё, прикрытые по грудь.

В крепостях и укреплениях размещались гарнизоны, а по восточному берегу Миусского лимана расселили 500 семей донских казаков, составивших будущей знаменитый Таганрогский казачий полк.

К этому же времени относится начало развития отечественной почты на южных рубежах России.

В материалах Центрального Государственного архива древних актов отмечено, что 21 июля 1700 года на Дон к войсковому атаману Илье Григорьеву и ко всему Войску Донскому послали грамоту о поселении казаков по двум дорогам от Валук и Рыбного до Азова. Велено было разместить казаков по урочищам и речкам, *«в котором месте пристойно, чтоб те оба пути впредь были населены и жилы»*. Указом предусматривалось, что казаки должны за определённую плату перевозить почту.

А первое зафиксированное упоминание о частных письмах, отправленных из Москвы в Воронеж, Азов и Таганрог, появилось в «Записных тетрадях» московского почтмейстера Матвея Винуса даже ещё на четыре месяца раньше – конкретно: в среду 21 марта 1700 года.

К исходу первого десятилетия XVIII века возведение гавани, верфи, крепости и города было в основном завершено.

Один из главных организаторов строительства – итальянский капитан на русской службе Матвей Симонт (Маттео Симонти) сообщал в Москву: *«Летом прошлого 1705 года, сентября по 1 число, в Троицком гавана построена»*.

В честь окончания строительства, подчёркивая особые заслуги Маттео Симонти, царь 23 мая 1709 года приказал адмиралу Фёдору Апраксину изготовить памятную медаль: *«Изволь приказать сделать Матвею Симонтову монету золотую с камнями ценою в ста три, и на одной стороне чтобы была наша персона, а на другой – гаван здешний и подпись тут, что дана ему за труды гавана»*.

Построив Таганрог, Россия получила лёгкую водную дорогу на кубанский берег Азовского моря, крепкую опору в борьбе с многовековым агрессором – Крымским ханством и перспективу в черноморской и средиземноморской торговле.

Болевший за своё детище Пётр предостерегает азовского губернатора: *«Изволь в том, от чего, Боже сохрани, под нынешние часы, осторожность учинить, как в Азове, так и наипаче в Таган-Рогу, к обороне того места. Сам, Ваша милость, сведом, каково туркам Таганрог»*.

Османская империя, владевшая Азовом сотни лет, конечно же, не хотела мириться с потерей северного Приазовья; и потому в прочность мирного договора с Турцией на Руси не слишком верили. Особо опасались её вассала, крымского хана (земли за Миусским лиманом в документах того времени именуются Крымской стороной).

К середине 1711 года в Таганроге было 1357 дворов. Для сравнения – в Петербурге к тому времени имелось дворов лишь около 800 – почти в половину меньше.

И по данным таганрогской приказной палаты насчитывалось свыше восьми тысяч постоянных жителей. В самом начале XVIII века сюда переселили старожилов почти из всех приволжских городов.

Существенным источником заселения Таганрога явилась ссылка.

В 1699 году в крае учреждена первая в истории России каторга. Приазовье превращается в одно из крупнейших мест «на вечное житьё».

Петровским указом к ссылке приговаривались не только простолюдины, но и отдельные чиновники, и духовные лица, и выходцы из дворянства.

Направлялись в Таганрог также пленные турки и татары, а с началом Северной войны – в большом количестве шведы и жители Балтии.

Значительную группу составляли казаки Слободской Украины – свободные горожане, которые охраняли подступы к Таганрогу со стороны Крыма.

У Анатолия Софронова есть такие строки:

*Сюда пришли когда-то запорожцы,
Один из них, что был высок и рус,
Сказал: «Так бачтэ, бачтэ тико, хлопцы,
Здесь речка вьётся будто бы мий ус».*

По другой версии – во времена разгрома Сечи, запорожцы, уходя от войск Екатерины II, зарыли в районе сёл Марьевки или Ряженого часть войсковой казны. Когда некоторых казаков всё же поймали и пытали, то они говорили царским офицерам, что золото в той степи зарыто, где речка «*яка вьётся, як мий ус*».

Вроде бы, река потому Миусом теперь и называется.

На таганрогской верфи строились корабли. Помимо того воронежские, хопёрские и донские верфи поставляли в Таганрог корпуса, которые здесь достраивались, оснащались и вооружались. Затем корабли, укомплектованные командами, отправлялись на боевую службу.

Именно отсюда, из Таганрогской гавани, 14 августа 1699 года в занятую тогда турками Керчь отбыл морской караван из десяти крупных кораблей и двух галер. На 46-пушечной «Крепости» находился государев посол Емельян Украинцев. Кораблём «Отворённые врата» командовал капитан Пётр Михайлов – сам государь Пётр Алексеевич Романов.

Политической задачей эскадры была вооружённая демонстрация российской военной мощи на Азовском море.

Под общей командой адмирала Фёдора Алексеевича Головина на четырёх морских стругах шёл от Таганрога с пятьюстами выборными казаками и атаман Донского Войска Фрол Минаев.

Наличие казаков в эскадре не случайно.

Этим будущий император намекал туркам, что если они не поторопятся с заключением мирного договора, признающего завоевания России в Приазовье, то на них обрушится не только крупный русский флот, но и лёгкие морские силы казаков, которые испокон веку громили турецкое побережье, начиная от Крыма и заканчивая предместьями Стамбула.

Вот такая откровенная дипломатия времён Петра Великого...

Эскадра напугала градоначальника Керчи Асанпашу. Морской караван вернулся назад, а корабль «Крепость» с послом Украинцевым отправился дальше и 7 сентября стал на якорь – прямо напротив султанского дворца.

Военная демонстрация сделала своё дело.

3 июля 1700 года с Турцией был подписан мирный договор сроком на тридцать лет, согласно которому за Россией оставались Азов, Таганрог, побережье Азовского моря и приазовская степь – аж до Днепра.

Впрочем, через десять лет турки обязательства нарушили и в Приазовье снова закипели бои.

Отметим, что 300 лет назад Таганрог был крупнейшей русской крепостью на Северном Кавказе!

Сюда не раз прибывали делегации горских народов. В свою очередь отсюда – с опасными дипломатическими миссиями на Кавказ – отправлялись казаки.

Так, например, 15 июня 1711 года губернатор Иван Толстой докладывал командующему обороной Приазовья Фёдору Апраксину, что в Таганрог прибыли посланные ранее к горским черкесам казаки *«Аксен Фролов, Лаврик Андреев, Максим Тимофеев сотоварищи»*. С казаками приехали посланцы кабардинских и абазинских князей с письмами к Петру I. Казаки были щедро награждены, а посланцы Северного Кавказа отправлены далее в Москву.

С 1700 по 1710 год Азовский военно-морской флот и Таганрогская крепость выполняли роль стража пограничных рубежей в бассейне Азовского моря, содействовали сохранению мирного состояния между

Россией и Турцией.

По указанию царя Таганрог постоянно благоустраивается и озеленяется. В 1704 году начинается распашка целины. А на следующее лето заложили «государевы» фруктовые сады и виноградники, плантации клубники. Тогда же в город завезли из Константинополя лимонные и померанцевые деревья.

Широко развернулось рыбопромысловое освоение низовьев Дона и прибрежных районов Азовского моря, началась регулярная добыча соли из Бердянских соляных озёр.

Одно время Пётр предполагал даже перенести сюда свою столицу.

Но судьбу города решила неудачная для России война с Турцией – по договору 1712 года Таганрог был разрушен.

На исходе первого десятилетия XVIII века положение на Юге резко изменилось.

Победа под Полтавой показала, что стараниями царя и его народа Россия вышла в ряд самых могучих держав Европы.

Однако Северная война на этом не закончилась. Вскоре оправдались тревоги и по поводу южного соседа.

Подстрекаемая Англией, Францией и бежавшим в Стамбул шведским королём Карлом XII, не примирившаяся с потерей Северо-Восточного Приазовья, 20 ноября 1710 года Турция развязала новую войну

против России.

Ситуация для нашей страны сложилась крайне тяжёлая, предстояла борьба на два фронта с великими державами – русское правительство оказалось перед необходимостью вести одновременно борьбу против шведов на Северо-западе и против турок и татар – на Юге.

Одним из театров боевых действий вновь стало Приазовье.

Впервые российскому флоту и гарнизону Таганрогской крепости пришлось держать крупный военный бой.

Испытание прошло вполне успешно.

Троицкая крепость была полностью готова к встрече с врагом, на её валах и бастионах стояли 238 пушек, да ещё более 100 пушек – на молах гавани и в форте «Черепашка».

В Таганроге базировался сильный флот, основу которого составляли 70-пушечный «Спящий лев», 60-пушечные «Гото-Предестинация» и «Шпага», 50-пушечные «Геркулес», «Скорпион», «Ласка» и «Уния», 30-40-пушечные «Вильгельчаг», «Дельфин», «Ёж», «Меркурий» и «Соединение».

Поэтому, когда через год к стенам подошла крупная турецкая эскадра с десантными войсками, все их военные операции прошли впустую: таганрожцы превосходили противника и силой, и умением.

Очередную страницу доблести вписали в свою историю и казаки.

По приказанию командовавшего русской эскадрой адмирала Корнелия Крюйса казачьи морские дозоры на боевых лодках крейсировали в море до Керчи.

Они сумели захватить небольшое вражеское судно.

А 22 июля 1711 года, отряд, состоявший из 1500 казаков и двух батальонов пехоты, сбросил с Петрушиной косы в море крупный турецкий морской десант! Тем самым казаки сорвали попытку взять Таганрогскую крепость в обход с суши, где пока ещё укрепления были относительно слабыми.

К несчастью, решающие события этой войны произошли не здесь, а на берегах Дуная и Прута, куда двинулись две русские группировки под командованием самого царя и фельдмаршала Бориса Шереметева.

Прутский поход в России называли «прутской бедой».

После победы под Полтавой Пётр I намеревался нанести туркам поражение в Молдавии, однако валашский господарь переметнулся к противнику; а молдавский князь Кантемир не выполнил договорённости о подготовке запасов продовольствия и фуража (главным образом из-за нашествия саранчи, опустошившей край).

Были допущены и различные военные просчёты.

Как результат – русская армия попала в отчаянное положение.

И даже сам царь в своём, хотя и укреплённом, лагере был заблокирован огромными силами турок.

Историк Сергей Соловьёв сообщает, что против 38 246 русских воинов стояли 119 665 турок и 70 000 крымцев!

И всё равно (почти что уже совсем впроголодь и без боеприпасов!) благодаря отличной стрельбе наших артиллеристов, атаки янычар были отбиты.

Мужество россиян и неуверенность турок сделали своё дело: предложение русских о переговорах противник принял. В ход пошла дипломатия, и вместо безоговорочной капитуляции, которую вначале потребовал великий визирь, был подписан так называемый Прутский договор, по которому турки снабжали русских провизией и фуражом и – те уходили.

Однако плата за такой исход оказалась чрезвычайно высокой.

Русские спасли свои жизни и честь, царь и царица избежали плена, высшие сановники империи, бывшие при армии, тоже остались на свободе, но!

Пришлось отдать Азов, скрыть все укрепления на берегах Азовского моря, уничтожить весь военный флот и платить крымцам ежегодную дань.

Четыре самых лучших азовских корабля – «Гото-Предестинация», «Ласточка», шнявы «Мункер» и «Лизет» – сначала хотели перевести на Балтику, но затем продали всё той же Турции.

Около 500 остальных азовских судов через пять лет просто демонтировали.

И по условиям этого заключённого мирного договора Россия обязывалась разрушить город Таганрог.

Многолетние труды и жертвы пошли прахом.

19 сентября 1711 года Пётр отправил депешу Апраксину: *«Как не своею рукою пишу: нужно турок удовлетворить... Таганрог разорить как можно шире, однако же, не портя фундамента, ибо, может быть, Бог иначе совершит».*

21 мая 1712 года из бывшего города ушёл последний казачий караул.

Впрочем, казакам турки были не указ и часто ещё боевые струги приставали к развалинам таганрогской крепости, возвращаясь из походов по Азовскому морю.

Теперь все усилия царь перенёс на север, где строился Петербург. От залива невское русло прикрывала земляная крепость на острове Котлин (будущий Кронштадт) с выступающим в море глинобитным замком Кроншлот.

В своих первоначальных вариантах эти знаменитые крепости по размерам и вооружению были меньше Троицкой на мысу Таганский Рог.

...Но через время Таганрог отстроят заново, и Донская флотилия вновь станет бороздить морские воды под своим гордым флагом.

ДОНСКАЯ ФЛОТИЛИЯ

Русский народ издавна связан с Чёрным морем. Ещё в глубокой древности дружины киевских князей ходили Чёрным морем на Византию, смело вступали в сражения с сильнейшим византийским флотом, боролись с ним за морское господство.

Чёрное море называли тогда «Русским морем».

Но в XIII веке Золотая Орда закрыла Руси выход к черноморскому побережью, и с тех пор только отдельные русские купцы, паломники да монахи ходили этим путём к рынкам Ближнего Востока и Святым Местам Палестины.

После распада Орды её место на Юге заняли Крымское ханство и Турция. Россия по-прежнему оставалась отрезанной от вождельных причалов. И лишь когда Государство Российское, пережив ордынское иго и феодальную раздробленность, заново сложилось и окрепло, Россия смогла возобновить борьбу за Чёрное море, за морской торговый путь на Восток.

Эта борьба продолжается уже 300 с лишним лет.

Она началась в 1687 году, когда правительство царевны Софьи направило войско князя Василия Голицына отвоёвывать у турок Крым. Походу предшествовала дипломатическая подготовка – годом ранее Россия присоединилась к антитурецкой «Священной лиге» Австрии, Польши и Венеции.

Голицын имел под началом 150 тысяч русских и 50 тысяч малороссийских воинов, его поддерживали донские казаки, но на пути к Перекопу войско попало в безводную степь, к чему оказалось совершенно не готово. К тому же ханские отряды эту степь ещё и подожгли.

Прорваться в Крым армия Голицына тогда не смогла.

В феврале 1689 года русские – 112 тысяч воинов – совершили второй поход. В середине мая они разбили 150-тысячное ханское войско и отбросили его к Перекопу. Однако, всё тот же риск остаться в крымских степях летом без воды заставил вернуться назад.

Неудача похода определялась не только природными условиями и силою ханского войска.

Свою роль, несомненно, сыграла личность самого Василия Васильевича Голицына. Он был талантлив-

вым, широко образованным человеком, имел очень большую по тем временам библиотеку – 266 книг, отличался многими достоинствами и состоял сердечным другом царевны-правительницы.

Но полководцем он не был.

Расквитавшись со старшей сестрой, Пётр продолжил войну за Чёрное море.

Походы Голицына показали неуязвимость Крыма со стороны степи, и молодой царь переменял направление удара.

Как наиболее доступный пункт он выбрал Азов.

Но для взятия морской крепости требуется морской флот!

И тогда в Воронеже взялись за постройку мелких судов.

Благодаря энергичной деятельности, побуждаемой присутствием самого Петра Алексеевича, к весне 1696 года построили 2 прама, 2 галеаса, 23 галеры и 4 брандера. А ещё большой корабль «Апостол Пётр».

Работы не прекращались даже зимой, отличавшейся в тот год необычайно суровостью.

Галеры, насколько известно, строились по модели, выписанной из Голландии; а корабли (или прамы) были не что иное, как плоскодонные ящики о 2-х мачтах, вооружённые каждый 44 орудиями.

Эти неповоротливые махины назначались, собственно, не для плавания в открытом море, а для действия по береговым укреплениям. И так как провод их по мелководному и извилистому верховью Дона был очень затруднённым, то их демонтировали и сухим путём везли до Черкаска. А потом снова собирали и спустили на воду.

При повторной осаде Азова эта первая русская флотилия оказала немалую помощь.

Из Азовского моря Пётр I собирался вести корабли в море Чёрное. Для расширения антитурецкой коалиции он предпринял «Великое посольство» в Европу, правда, ни с одним государем заключить договор против Турции ему тогда не удалось.

Убеждённый опытом в неограниченной пользе флота, Пётр решил в течение трёх лет построить ещё до полусотни кораблей и фрегатов и с десятком бомбардиров и брандеров.

Средств государственной казны на это, естественно, не хватало; и его величество вышел из положения очень просто: издержки по сооружению львиной доли этих судов он разложил на духовенство (начиная с патриарха), на бояр, дворян и посадских людей.

Представителей этих сословий объединяли в «кумпанства», которые и должны были построить за свой счёт 52 судна. А 60 молодых дворян царь послал в Европу изучать корабельное дело.

Вместе с тем он учредил на берегах Дона новые верфи в Таврове, Ново-Павловске и при реке Икорец.

В этих доках с 1695 по 1710 год построено 67 кораблей, фрегатов и прамов, почти столько же галер, бомбардных судов и брандеров и *«зело велико исчисление бригантин, шняв, тьялков и других мелких посудин»*.

Но поспешность постройки, сырой лес, для неё употреблявшийся, и, наконец, повреждения, которым суда подвергались при проходе через мелководное

устье Дона, – всё это приводило их в быструю преждевременную негодность.

Так что весной 1710 года, при объявлении войны Турции, в Таганроге годных к службе оказалось только 5 кораблей, 1 фрегат, а из мелких судов – всего 3.

Как, собственно, и всегда в России...

Если первый российский император как-то старался подобные орехи исправлять, то уж после его смерти все работы по судостроительству *«птенцами гнезда Петрова»* были признаны просто нецелесообразными и совсем прекратились – почти на десятилетие.

Но в начале 30-х годов XVIII века очередное обострение политических разногласий с Турцией буквально подстегнуло российские власти в решении кораблестроение возобновить.

В преддверии новой войны Россия с осени 1733 года развернула в Брянске подготовку судов для Днепровской флотилии – этим кораблям предстояло идти под Очаков.

Там командование принял вице-адмирал Наум Акимович Сенявин, известный сподвижник Петра I.

А 7 сентября 1733 года – 275 лет назад – Сенат издал указ о создании Донской флотилии и постройке для неё судов.

Центром судостроения выбрали Тавров, на стапелях которого ещё в петровские времена было заложено несколько галер и ботов.

Строили прамы, галеры, а также дубель-шлюпки.

Дубель-шлюпки могли ходить и под парусом. Это был новый тип малого судна. Его разработал обер-

интендант днепровец Роберт Броун, взяв за основу запорожское судно «дуб» и сделав его корпус наборным.

Командующим Донским флотом назначили опытного военного – контр-адмирала, участника Гангутского сражения, Петра Бредаля, служащего в российском мореходстве ещё с 1703 года.

В обязанности нового Донского флота входили именно военные действия.

Днепровская же флотилия занималась в основном перевозками войск и продовольствия.

С июля 1736 года флотилией руководили капитан И. Лунин, лейтенант П. Чихачёв, а также офицеры И. Кайсаров и И. Зиновьев.

С началом русско-турецкой войны 1735-1739 годов к Азову прибыли главные силы армии и суда флотилии, насчитывавшей к этому времени 9 больших 44-пушечных и 68-пушечных прамов, 35 галер и 29 малых судов.

Прибыли и осадили крепость.

Турция прислала на помощь гарнизону свою эскадру, однако из-за мелководья большие суда не смогли войти в устье; а лёгкие гребные – Донская флотилия просто не пропустила!

Отряд турецких кораблей ушёл, не солоно хлебавши, после чего 19 июня 1736 года гарнизон Азова капитулировал.

Донская флотилия под командованием Бредаля обеспечивала перевозку 14 полков от Азова к реке Кальмиус и переправу русских войск через Генический пролив.

«В лето в 1736 году, при начале новой войны с Турциею, вице-адмирал Бредаль, посланный на Дон для принятия начальства над остававшимся там флотом, употребил его с большою пользою при осаде Азова. А в исходе того же 1736 и в начале 1737 года построил на городских верфях 500 больших лодок, из коих на каждой помещалось 50 человек с продовольствием».

Лодки эти, имевшие по две большие пушки, оказали большую пользу русской Донской сухопутной армии графа Петра Петровича Ласси. Эта армия сражалась против крымских татар.

Но в том же году почти половина нашей флотилии была уничтожена бурями, а некоторые корабли пришлось сжечь, дабы не отдать турецкому окружению.

Летом 1737 года корабли Петра Бредаля и береговые батареи отражали десанты противника.

7 июля по приказанию командующего генерал-фельдмаршала Ласси из флотилии Бредаля из Геничи к Азову был отправлен мортирный бот под командой мичмана Рыкунова, на котором кроме экипажа находились солдаты десантной команды.

Экспедицией руководил опытный моряк капитан III ранга Пётр Дефремери, француз по национальности, давно перешедший на русскую службу.

На третий день пути, у мелководной Федотовой косы бот встретил вражескую эскадру. Флагманский турецкий корабль из-за малых глубин приблизиться не мог, но многочисленные гребные галеры стали быстро приближаться, надеясь на лёгкую добычу.

На боте поставили все паруса и попытались добраться до берега, одновременно готовясь к последнему бою.

Ситуация осложнялась ещё и тем, что три года назад Дефремери уже пришлось вкусить и горечь чужого плена, и подлость своего начальства.

Тогда он на Балтике командовал 32-пушечным фрегатом «Митау». Попал в окружение французской эскадры.

В то время Россия и Франция стремились (после смерти польского короля Августа II) возвести на польский престол своих ставленников, но боевых действий друг с другом пока не вели, поэтому Дефремери поднялся на борт французского флагмана, чтобы уладить возможные недоразумения. Но его арестовали, а «Митау» под конвоем отвели в Копенгаген.

После окончания военных действий фрегат и все пленные были возвращены в Россию. Но на родине (как это сплошь и рядом бывает!) из Петра Дефремери сделали козла отпущения – обвинили в умышленной сдаче фрегата. Правда, доказать ничего не смогли.

Капитан Дефремери решил, что второй раз в плен его не возьмут!

По его приказу на палубе разлили бочонок смолы и приготовили пороховой заряд. Противник уже почти настиг мортирный бот, когда Дефремери удалось посадить его на отмель в полумиле от берега. После первых турецких выстрелов Дефремери отправил команду спасаться на берег.

Вместе с капитаном на боте добровольно остались боцман и один из матросов. Они рассыпали по смо-

лёной палубе порох и приготовились встретить приближающиеся вражеские суда огнём 4 пушек. Но враг навалился на бот так стремительно, что удалось сделать лишь один залп.

Когда же турецкие галеры вплотную подошли к русскому кораблю, Пётр Дефремери поджёг порох. Мощный взрыв буквально разорвал русский корабль и сильно повредил окружившие его турецкие суда.

Так, во славу Отечества, погибли трое героев.

12 января 1738 года главнокомандующий русской армией граф Бурхард Кристоф Миних распорядился перенести строительство Днепровской флотилии на остров Хортица, где размещалась Запорожская Сечь.

А Донская флотилия в апреле этого же года начала новую кампанию с перевозки грузов и пополнения для армии Ласси, выступившего в поход на Крым.

В начале лета (снова у той же Федотовой косы) корабли встретили большой турецкий флот. Контр-адмирал Пётр Бредаль решил обмануть турок и повторить приём царя Петра I при Гангуте: в самом узком месте косы – шириною 60 сажений (примерно 30 метров) – он приказал прорыть канал, по которому перевёл флотилию на западную сторону косы.

Но турки заметили этот манёвр и вновь загородили путь кораблям Бредаля.

15 июня контр-адмирал приказал вытащить лодки на отмель, орудия с них снять и установить на берегу. 18 и 19 июня огнём этих орудий были сорваны попытки вражеских кораблей приблизиться к лежащим на берегу русским судам.

Несмотря на героизм моряков, дни флотилии были сочтены. Не имея возможности прорвать блокаду, 15

июля «консилиум» морских офицеров принял вердикт о сожжении судов и возвращении домой по суше. В тот же день лодки подпалили, а пушки, боеприпасы и провизию благополучно доставили в Азов. Оставшись без поддержки с моря, корпус Ласси прекратил поход на Крым и тоже вернулся назад.

А на следующий год погибла вся Донская флотилия.

В октябре 1739 года союзница России Австрия заключила с Турцией сепаратный мир, и России, в свою очередь, пришлось также подписать мир с турками – забыв на время о Крыме и южном флоте.

Азов Россия сохранила, но – в качестве неукрепленного пункта; а иметь на Юге суда ей вообще воспрещалось. То есть, Донская военная флотилия была расформирована.

Тавровское и Брянское адмиралтейства упразднили за ненадобностью.

Новая попытка завести южный флот была предпринята только через 30 лет, в ходе следующей, опять же, русско-турецкой войны 1768-1774 годов.

Главные морские события происходили на Средиземном море, где пришедшие с Балтики российские эскадры отличились при Чесме и Хиосе.

Вот с началом войны и воссоздали прежнюю Донскую (Азовскую) флотилию и создали новую – Дунайскую. Азовской флотилией командовал Алексей Наумович Сенявин, сын адмирала флотилии Днепровской.

В феврале 1769 года Алексей Сенявин, которому Адмиралтейств-коллегия поручила возглавить строи-

тельство кораблей, а затем и принять над ними командование, прибывает в Таганрог.

Здесь, в Таганроге и Таврове строились прамы, дубель-шлюпки и казачьи лодки.

Для действия по мелководному Азовскому морю Сенявиным и вице-адмиралом Григорием Спиридовым были предложены проекты так называемых «новоманерных» или «новоизобретённых» судов, имевших плоское дно, малую осадку – 9 футов, но хорошо вооружённых 12-16 пушками 6-ти и 12-фунтового калибра.

Они назывались так потому, что не имели мировых аналогов, не были похожи ни на один тип существующего тогда корабля. Эти суда могли ходить и на вёслах, и под парусом, причём, не только по морю, но и по рекам.

К сожалению, их мореходные качества оказались весьма низкими; а на доработки средств не выделялось.

Строительство «новоизобретённых» судов было начато в Павловске и на Икорецкой верфи.

Через пять лет флотилия насчитывала 11 «новоизобретённых» кораблей, 9 фрегатов, 2 бомбардира, 10 ботов и шхун, 22 галиота, 56 мелких судов.

Все эти корабли явились первой черноморской эскадрой, боевым ядром будущего легендарного Черноморского флота.

В конце апреля 1771 года Сенявин сообщал президенту Адмиралтейской коллегии графу Ивану Чернышёву: *«При всей моей скуке и досаде, что флот ещё не готов, Ваше сиятельство, вообразите моё удовольствие видеть с 87-футовой высоты стоящие*

перед гаванью (Да где ж? В Таганроге!) суда под военным российским императорским флагом, чего со времени Петра Великого ... здесь не видали».

За исключительные заслуги в деле строительства флотилии Алексею Сенявину 4 июня 1769 года было присвоено звание вице-адмирала.

К этому времени Донская флотилия состояла из пяти 42-пушечных прамов, одного 3-мачтового корабля, двух бомбардирских судов, двух фрегатов и нескольких более мелких кораблей.

Флотский экипаж был укомплектован главным образом матросами и офицерами из Балтики.

Вице-адмирал Сенявин поднял свой флаг на корабле «Хотин», символизировавшем возрождение русского военного флота на Азовском море, и во главе флотилии вышел из Таганрога в Азовское море. Два корабля заняли позиции в устье Дона.

Сразу 220 пушек прикрыли Азов с моря!

Флотилия поддерживала взятие Перекопа, крепостей Керчь и Еникале, отбивала попытки турок блокировать продвижение русских по восточному берегу Крыма и обеспечивала другие действия армии генерала Владимира Долгорукова.

Наконец, 5 августа 4 «новоизобретённых» корабля под командованием капитана Сухотина вышли в Чёрное море.

В дальнейшем, корабли флотилии, руководимые Сенявиным и капитанами I ранга Яковом Сухотиным и Иоганном Кингсбергенем, участвовали в многочисленных сражениях с турками и **всюду** одерживали победы!

С весны 1773 года Донской флот постоянно блокировал побережье Крыма – враг не смог высадить ни одного десанта. Так, 23 июня отряд из двух «новоизобретённых» судов под командованием Кинсбергена встретил близ Балаклавы 3 турецких 52-пушечных корабля и 25-пушечную шебеку. Несмотря на огромное превосходство неприятеля, русский отряд смело пошёл в атаку и после шестичасового боя заставил турок отступить!

Два месяца спустя, 23 августа, Кинсберген, имея под началом 3 «новоизобретённых» корабля, фрегат, бот и брандер, встретил у берегов Абхазии в районе Суджук-Кале 18 вражеских кораблей и отважно их атаковал. Натиск русских был столь силён и столь храбр, что через два часа боя противник просто бежал!

За зиму флотилия пополнилась ещё 3 фрегатами, 2 галиотами и 2 палубными ботами и к лету 1774 года представляла из себя очень грозную силу.

Успехи России на Чёрном море и боязнь потерять Крым заставили нового турецкого султана Абдул-Гамида перебросить сюда из Средиземноморья крупные силы: 28 июня турецкая эскадра, численностью в 31 корабль, атаковала 11 сенявинских судов, прикрывавших вход в Керченский пролив. Однако и на этот раз превосходство в силах не принесло туркам победу: метким артиллерийским огнём русский флот отбил нападение.

Тем временем на суше генерал-фельдмаршал граф Пётр Александрович Румянцев окружил под крепостью Шумла главные силы турок, и 10 июля проти-

воборствующиe стороны подписали Кучук-Кайнарджийский мирный договор.

Россия получила земли между Бугом и Днепром, крепости Кинбурн, Азов, Таганрог, Керчь и Еникале.

Турция потеряла Крым и Кубань.

Наконец-то российские военные и торговые суда смогли свободно плавать по Чёрному морю!

Получив назад свои базы для флота в Азовском море, Россия поспешила усилить своё военное присутствие и в Черноморье.

Екатерина II распорядилась направить к Босфору крейсерский отряд военных судов, замаскированных под коммерческие. Кроме того, императрица приказала прислать с Балтики отряд из шести фрегатов под командой капитана II ранга Тимофея Козляникова. Однако турки не пропустили военные суда через проливы.

Оставалось строить корабли на месте.

Но строительство флота на Юге всё также затруднялось мелководностью устья Дона и Таганрогского залива.

Более или менее годился только Днепровско-Бугский лиман, и в декабре 1775 года Екатерина издала соответствующий указ Адмиралтейств-коллегии, одновременно предписав сократить строительство судов на Азовском море.

Флотилия перебазировалась из Таганрога в Керчь, а Таганрог превратился в купеческий портовый город.

31 мая 1778 года рескриптом государыни новая судостроительная и морская база отдавалась на попе-

чение новороссийского генерал-губернатора светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина.

18 июня императрица повелела именовать сию базу Херсоном. А 7 июля в Херсоне уже заложили два первых корабля.

Екатерина понимала опасную непрочность русско-турецкого договора и всячески торопила строительство Херсонской верфи и кораблей. В 1782 году Потёмкину даже пришлось прибегнуть к вольному найму 1150 плотников *«для производства корабельного строения»*.

А в августе следующего года в Херсон прибыл будущий адмирал Фёдор Ушаков вместе с 700 матросами и 3 тысячами мастеровых.

Так начиналась более чем 200-летняя история Черноморского Флота.

27 сентября 1783 года на Херсонской верфи был спущен на воду первенец черноморского флота России 66-пушечный парусный линейный корабль «Слава Екатерины» (длина – 49 метров, ширина – 13, осадка – 5,8).

Корабль заложил в июне 79-го командир Херсонской крепости генерал-цехмейстер Ибрагим Абрамович Ганнибал – сын арапа Петра Великого и двоюродный дедушка Александра Пушкина. Элегантное классическое военное судно в своей оснастке сочетало привычные прямые паруса с новомодными косыми. Его первым командиром был назначен капитан I ранга черногорский граф Марко Иванович Войнович (по утверждению автора «Солдата Ивана Чонкина» – Войновича Владимира – его пращур).

Обустроив причалы, пристани, казармы, жилые дома и, главное боевое ядро Флота из почти 100 судов разных классов, князь Потёмкин пригласил сюда государыню.

По её указу 10 февраля 1784 года город получил название Севастополь.

Под флагом адмирала Федота Клокачёва первый отряд из 11 кораблей вошёл в бухты нового города.

...Много чего сделали за 225 лет моряки-чернофлотцы!

Эх, яблочко...

Куды котисься?

Повернёсья к Николашке –

Не воротисься!..-

пели в революционном экстазе братишки-морячки в 18-м...

Прошло 90 лет.

Как выяснилось, они горько ошиблись.

К огромному, к серьёзному ослаблению мощи Черноморского Флота привёл распад Советского Союза!

Эх, яблочко...

Докатилось...

Но моряки не отчаиваются.

Сегодня в боевом составе Флота осталось около 450 боевых кораблей и судов. На Флоте проходят службу около 25 тысяч офицеров, мичманов, матросов. На предприятиях и учреждениях Флота работают около

20 тысяч гражданских специалистов.

И в настоящее время около 40 процентов кадрового состава Флота – потомки и сыновья тех коренных крымчан, севастопольцев и донцов, которые Флот и строили.

Мы от души поздравляем прославленный легендарный Черноморский Флот с 225-летием и просим в этой эйфории празднеств не забывать, что родом он – с Донской земли!

Многие, возможно, слышали о херсонесском, или херсонском, Туманном колоколе. Но не всем известно, что колокол этот – таганрогский.

Называют его туманным потому, что он долгое время служил звуковым маяком.

В тумане маяка не видно, но слышен звук.

Колокол – в Севастополе. Сейчас он – всего лишь достопримечательность. Одна из визитных карточек Херсона – и самого Севастополя.

Во время Крымской войны его из Севастополя среди других трофеев вывезли союзники, и он долгое время переливался руладами в звоннице собора Парижской Богоматери.

Перед началом I мировой войны колокол (с помощью французского консула в Севастополе Лиона Гё) вернули России.

13 сентября 1913 года он был установлен на временной деревянной колокольне в Херсонесском монастыре у соборного храма Святого Владимира.

Президент Франции Раймон Пуанкаре в письме Гё заявил, что *«славный колокол возвращён России в знак дружбы и нерушимого союза»*.

После революции, в июле 1925 года, все колокола монастыря сняли на переплавку, и только этот единственный был сохранён как *«имеющий большое значение для безопасности мореплавания»!*

По ходатайству Управления обеспечения безопасности и предотвращения кораблекрушений на Чёрном и Азовском морях, *«колокол, бывший в плену в Париже, установлен на берегу моря для звона в непогоду».*

В этом качестве он прослужил до 60-х годов прошлого века.

Теперь колокол – только памятник старины.

На нём и сегодня можно прочесть частично сохранившуюся надпись: *«Сей колокол вылит в Святого Николая Чудотворца в Таганро... из пленен Турецкой артиллери... весом ... пуд фу(нт?) 1778 месяца Августа ... числа».*

То есть, он отлит ещё до того, как Севастополь был основан, из трофейных турецких корабельных орудий, для Никольской церкви, построенной *«в морских кварталах г. Таганрога».*

До 1803 года церковь находилась в подчинении военному ведомству. Тогда же колокола и церковная утварь были переданы Севастополю – главной российской военно-морской базе на Юге.

И опять-таки, не будем забывать, что до присоединения к России Крыма роль этой базы выполнял город Таганрог.

В разные периоды создания Азовской флотилии, строительства гаваней и крепостей здесь служили адмиралы Фёдор Апраксин, Пётр Бредаль, Фёдор Го-

ловин, Федот Клокачѳв, Корнелиус Крюйс, Франц Лефорт, Алексей и Дмитрий Сенявины, Яков Сухотин, Василий Чичагов.

Начинали здесь свой путь командор Витус Беринг и адмирал Фѳдор Ушаков и тысячи и тысячи других офицеров и матросов.

Летом 1918 года на Азовском море был создан флот Всевеликого войска Донского.

31 октября 1918 года в Своде морских постановлений Донской республики появилось описание кормового флага военных кораблей. Это был Андреевский флаг (на белом поле косоу синий крест), но в его центре помещался герб Донской республики – старинный казачий герб – в лазоревом поле серебряный олень, раненый золотой стрелой.

Андреевский флаг продолжал использоваться на кораблях белого движения во время и после Гражданской войны. Лишь в самом конце 1924 года в североафриканском городе Бизерта последние белогвардейские корабли спустили Андреевский флаг – 29 декабря стало известно о признании Советского правительства России Францией.

Параллельно Донская флотилия была возрождена в марте 1919 года. Была она уже Советской.

С марта по август содействовала войскам Южного фронта в борьбе с белогвардейцами на Дону. Командовали – Павел Делло и, позднее, Борис Корсак. Комиссаром назначили Алексея Бабкина. Состояла флотилия из 2 канонерских лодок, 4 вооружѳнных пароходов, 6 сторожевых катеров и нескольких вспомогательных судов.

Летом – в связи с утратой районов базирования – флотилия была временно расформирована и вновь создана через год под названием Доно-Азовской. Теперь она получила более серьёзное оснащение: 5 канонерских лодок, около 10 вооружённых пароходов и около 20 катеров и вспомогательных судов.

Корабли флотилии обороняли устье Дона и Таганрогский залив, перевозили десанты и поддерживали огнём войска. После окончания боевых действий летом 1921 года её снова расформировали.

В 1941 году для содействия войскам 9-й и 56-й армий, оборонявшим Таганрог, Ростов и всё устье Дона был создан Отдельный Донской отряд Азовской военной флотилии. Командовал отрядом (в 1 монитор, 3 вооружённых парохода, 8 бронекатеров и 9 полуглиссеров) капитан I ранга С. Ф. Белоусов.

С выходом немецких войск к этим рубежам часть кораблей отряда перешла на Кубань, остальные были уничтожены.

...В 1709 году, перед своим выездом из Таганрога к Полтаве, где назревала решающая битва со шведами, его царское величество отписывал Меншикову: *«Сие место, которое перед десятью летами пустое поле видели (о чём сам сведом), ныне с помощью Божьей изрядный город, купно с гаванью, обрели, и хотя, где долго хозяин не был, и не всё исправно, однако ж есть что посмотреть»*.

И хотя отписано с удовлетворением, что-то волновало Петра. Что, «не всё» – по понятиям державного властелина – было исправным на Юге страны?

«...ОТЧАЯННЫ ОНЫЕ МЕСТА»

300 лет назад – весной 1708 года началось на Дону восстание под предводительством Кондратия Булавина – третье в истории России крупное протестное движение крестьян, казаков и, отчасти, городских низов.

В дореволюционной российской науке сие тревожное событие именовалось «бунтом». В советской – получило наименование «третьей крестьянской войны» (после восстаний Ивана Болотникова и Степана Разина).

Давайте попробуем разобраться, что же это было на самом деле – после перестройки опубликовано много ранее «совершенно секретных» документов.

С конца XVII столетия в России начали интенсивно (причём, одновременно) нарастать два процесса.

С одной стороны – резко усиливалось и ужесточалось крепостничество; укреплялось (превращаясь в абсолютную монархию) феодальное государство; увеличивались налоги и повинности и – всё нетерпимее становился безудержный произвол царской администрации.

С другой – в социально-экономической жизни страны намечаются признаки новых буржуазных отношений (вызванных увеличением производительных сил, развитием товарного производства, возникновением мануфактурной промышленности и, как результат, – складыванием всероссийского рынка).

Оба этих процесса в той или иной степени коснулись Дона и прилегающих к нему районов.

Усиление крепостного гнёта вызвало массовое бегство крестьян и представителей других бесправных слоёв населения на донские земли. Беглые искали здесь облегчения своей участи и свободы.

По пятам беглецов шли помещики (за новыми наделами для своих вотчин) и предприниматели (за разработкой природных богатств края).

В это же время на самом Дону из казацкой «старшины» формировались свои помещики, предприниматели и торговцы. Всем им нужны были бесплатные рабочие руки.

А вот пришлые помещики – не нужны абсолютно! Самим мало!

Вот так вот и сложился на нашей земле такой запутанный клубок противоречий.

Социальная природа донского казачества позволяет выделить его в особую категорию населения феодальной России.

Казаки были близки к крестьянам, ибо в хозяйственной деятельности тех и других определённое место занимал производительный труд.

Однако, если для крестьянина хозяйство было единственным источником существования, оно одно обеспечивало благополучие его семьи – то у казака имелись и иные способы пополнения его экономических ресурсов. Крестьяне являлись земледельцами, основными же занятиями казаков – до XVIII века – были скотоводство и рыбные и соляные промыслы.

Главное отличие казака от крестьянина состояло в том, что последний был объектом эксплуатации помещиком и государством; а в районах расселения казаков феодальное землевладение отсутствовало,

как отсутствовали и постоянные представители правительственной администрации.

Крестьяне платили налог; в то время как казаки получали из казны хлебное и денежное жалованье, а также порох и прочие воинские припасы.

И у казаков был ещё один – довольно сомнительный – источник существования.

Разбои.

Походы «за зипунами», ежегодно совершаемые под Азов, в Крым и на города Южного побережья Чёрного моря, равно как на Волгу и Каспий, приносили его участником немалые доходы.

Донское казачество пользовалось существенными привилегиями, придававшими Донской земле черты автономии. Не зря эту землю называли Либерией – свободной (по аналогии с африканской).

Одна из привилегий состояла в праве не выдавать беглых крестьян помещикам, выразительно и лаконично сформулированной фразой: «*С Дону выдачи нет!*». И правительству приходилось мириться с этим вопиющим нарушением феодального правопорядка: того требовали нужды обороны южных границ государства.

По этой же причине правительство терпело и вторую привилегию донских казаков – право на решение кое-каких внешнеполитических вопросов – их путешествия «за зипунами».

Конец всему наступил после южных походов Петра Великого.

Кстати, в те годы величать непоседливое царское величество «великим» никому бы и на ум не взбрело.

Вот как отозвался об этом в своём нашумевшем романе «Девятный Спас» Анатолий Брусникин:

«От западного порубежья, с той же стороны, что и век назад, на Россию надвигалась чёрная гроза (войска Карла XII – ред.). Но в Смутную эпоху, закончившуюся, когда новой династии была ниспослана чудотворная Икона, государственное неустройство возникло из-за череды губительных неурожаев, бунтов, чужеземных происков.

Ныне же вся вина лежала на помазаннике Божьем. Он сам накликнул на Русь гибель, от которой, казалось, не было спасения. В то грозное лето (1708 год – ред.), едва не ставшее для российского государства последним, ни один человек, даже из самых верных царёвых конфиданов, не поверил бы, что потомки будут называть Петра «великим» и «Отцом отечества».

Возможна эта критика чересчур резка, но, в принципе, верна.

Царь получил вожделённый Азов – эта крепость становилась форпостом борьбы с крымско-османской агрессией, а Донская земля из окраинной территории превращалась во внутреннюю область России.

Отныне правительство желало иметь дело с послушными исполнителями своих предписаний, а казаки нередко своевольно и своеобразно общались, к примеру – с запорожцами. А *«сие противуречило стратегическим замыслам»* государственной русской дипломатии.

Власти стремились положить конец казачьей вольнице, но эти начинания только усугубляли рост численности бедного, «голутвенного» (от «голь казацкая», «голытьба»), казачества, не получавшего, в отличие от «домовитых» казаков, государственного жалованья.

А сами казаки – неважно, богатые, или бедные – как исстари вольнолюбивые люди, естественно, никак не могли терпеть притеснений и унижений.

Но царю-батюшке для его бесконечных нововведений были нужны средства, и налоги оттого росли как на дрожжах. Правда, в большинстве своём были они организованы крайне неразумно (к примеру: хомутный сбор, с лодок, подымный, с домовых бань, с овец, с водопоев, с русской одежды) и привели лишь к расстройству торговли и значительному снижению сбора таможенных и иных пошлин.

Наступление правительства на привилегии казачества вызвало ожесточённое сопротивление.

Верх таганрогской социальной лестницы занимали царская администрация, русские и иностранные офицеры, священнослужители высшего ранга.

Во главе городской администрации в 1698-1703 годах стояли воеводы, позднее была введена должность губернатора.

С 1709 года в подчинение губернатору перешёл и флот.

В 1711 году в Таганроге имелось несколько десятков дворов иноземцев, частым гостем которых был молодой Пётр.

В основном это были специалисты в области портового и крепостного строительства, пехотные и морские офицеры, садовники. Все они обеспечивались высокими окладами и имели определённые льготы.

Самой же многочисленной группой жителей являлись солдаты Таганрогского гарнизона и матросы Азовского военно-морского флота.

По мере развития экономической жизни в крае, Таганрог, сохраняя своё военное и административное значение, превращался и в центр ремесла и торговли. К началу второго десятилетия XVIII века здесь проживало свыше 200 купецких и посадских людей. Купцы и верхи посада вели крупную торговлю, владели лавками. Из их среды избирались земские старосты, а также таможенные и кабацкие бурмистры.

Большинство же посадских людей занимались мелкой рыночной торговлей, ремёслами или нанимались в услужение.

Все они прикреплялись к месту жительства и ставились в прямую зависимость от государства.

Население города жило в условиях страшной скученности. В одной трёхсаженной избе нередко проживали по 10 человек холостых или по 4 семьи женатых солдат. Как результат – бесконечные вспышки эпидемий.

Даже губернатор вынужден был признать тяжесть сложившегося положения.

Сохранилась его челобитная главе московского Разряда боярину Тимофею Стрешневу:

«Азовские и Таганрогские жилые солдаты о том zelo вскучают, что у них хлебное жалованье убавлено

*перед прежним, и оттого... ныне многие солдаты вко-
нец оголодали...»*

В последний год XVII века на Дону произошли дра-
матические события.

12 мая 1700 года в Таганрог явился атаман Фёдор Семицкий и сообщил воеводе Евсею Янову, что в его Павловском укреплении (место, где сходятся дороги из Таганрога и Гаёвки – на берегу Миуса) начались волнения.

Казачи собрались с требованием у атамана объяс-
нений, почему это все вопросы их жизни решает во-
евода Таганрога, а не веками освящённый Казачий
круг?

Они желают жить по дедовским обычаям, и новые
порядки им не нужны!

А 28 мая в Таганрог явился весь Павловский каза-
чий полк и подал коллективную жалобу, звучащую
скорее как ультиматум. Казаки требовали выплатить
им задерживаемое с апреля «хлебное жалование», в
противном случае они угрожали сдать пушки и
разойтись со службы.

Перетрусивший воевода выдал казакам часть жало-
вания мукой и доложил о случившемся в Москву.

Ознакомившись с донесением, Пётр принял крутые
меры. Он поручил азовскому воеводе провести след-
ствие, и по его результатам *«казаков, которые явят-
ца в том воровстве (преступлении), человек 20 или
25, и тех казнить смертью: повесить...»* Если *«в том
воровстве объявятца они все, и было у них у всех за
одно»*, то повесить каждого пятидесятого, *«чтоб им,
их братье, впредь неповадно было воровать»*.

Жестокость царя диктовалась не только его самодурским характером, но и тревогой за важную в стратегическом отношении Таганрогскую крепость, позволявшую контролировать Приазовье и Дон и противостоять туркам, а также грозить непокорному запорожскому казачеству.

Значение Таганрога понимал не только царь, но и его внутренние противники – как из среды казачества, так и из среды боярской оппозиции.

Всего лишь три года назад уже велось следствие. Зачинщики – двое родовитых вельмож – Алексей Соковнин и Фёдор Пушкин.

Соковнин, сам известный старовер, доводился братом знаменитой боярыне Феодосии Морозовой и княгине Евдокии Урусовой – фанатичным приверженкам строгой старой веры. Алексей Соковнин однозначно не принимал немецкие «еретические нововведения» Петра.

А его зять Фёдор был обижен за отца боярина Матвея Пушкина – на него пала царская немилость за сопротивление отправке детей на заграничную учёбу.

К ним примкнул обрусевший иноземец стрелецкий полковник Иван Цыклер, в своё время верно служивший Софье, но затем переметнувшийся на сторону будущего императора. Однако наград не получил. Более того, угодил в почётную ссылку – его направили на строительство далёкого от столицы Таганрога.

Заговорщики планировали убить царя, а если не удастся, то Цыклер по приезде в Таганрог должен был взбунтовать донских казаков и отсюда пойти на Москву.

Заговор раскрыли, а его участников *«учинили казнити жестокою казнюю»*.

В отличие от узких боярских крамол казаки Дона мощно и массово выступали за сохранение своих былых вольностей.

К началу XVIII века руководство войска Донского вынуждено было идти на уступки властям, которые требовали возвращать беглых крестьян и с Дона тоже. Тогда со скрывшихся – за невыдачу – казачьи старшины начали брать деньги, дабы было на что откупиться от проверяющих.

Появление Кондратия Афанасьевича Булавина (сын донского атамана и сам весьма успешный казачий командир), распорядившегося *«пришлых с Руси беглецов принимать, а деньгами, животами и вином не брать»* (то есть отказаться от поборов с беглых), привлекло к нему массу сторонников.

Предвестником близящейся казачьей смуты стали события осени 1705 года.

Тогда отряд казаков во главе с атаманом Булавиным захватил принадлежащие государству солеварни на реке Бахмут.

Когда же в Бахмутский городок (станицу) для расследования был послан дьяк Андрей Горчаков, Булавин распорядился его арестовать и продержал 8 дней под стражей. Казачий круг одобрил действия атамана, постановив не допускать Горчакова к описанию соляных варниц. Когда дьяка отпустили, войсковые старшины направили правительству отписку, в которой уверяли, что ему *«казаки препятствий не*

чинили», но и варницы властям возвращать не намерены.

«Зело ущербные беспорядки» начались с запрета имперского правительства казакам самостоятельно добывать соль и ультиматума – выдать с Дона беглых крепостных. Оба эти требования категорически противоречили «казацкой старине» – соль была основным доходом самостоятельного войска Донского, а беглые – этому самому войску основным пополнением.

Имперское правительство тогда просто откровенно проигнорировало эти особые условия существования Донского казачества, хотя именно правительство-то и было **гарантом** их выполнения (впрочем, этот трюк центральные власти будут проделывать из века в век).

Понятно, что за самоуправство в отношении царского чиновника Булавину грозило наказание.

Для начала царские войска заняли солеварни, затем на Дон отправился гвардейский карательный отряд для поиска и наказания беглых.

Так что, конкретным поводом для казачьих волнений послужил указ Петра князю Юрию Владимировичу Долгорукому от 6 июля 1707 года *«О сыске беглых людей»*.

Указ обязывал князя всех «беглых людей и крестьян с жёнами и с детьми и с их животы отвозить к прежним помещикам и вотчинникам, откуда кто бежал».

На первый взгляд непонятно, как мог Пётр в

напряжённой обстановке 1707 года, когда страна переживала тяжелейшие испытания – шла Северная война, – спровоцировать новый социальный конфликт?

Ведь положение тогда у царского величества было весьма шатким. В Москве заговор, на Украине измена, в Астрахани мятеж, Англия с Австрией отступились, Карл шведский идёт походом. Да и здоровьем стал Пётр Алексеевич некрепок – судороги у него, припадки.

(Историки считают, что, если бы царь не посягнул на стародавнее право-привилегию донских казаков – «С Дону выдачи нет!», у жителей края не было бы повода братья за оружие.)

Ответ, скорее всего, такой: Пётр верил, что донские казаки, только недавно продемонстрировавшие преданность трону – выдали депутацию астраханских бунтовщиков – безропотно стерпят нарушение правительством одной из основных привилегий.

Государю в голову не пришло, что сдали астраханцев просто потому, что – астраханцы, чужаки. Своих бы – донцов – нипочём не отдали! Но кого-то же сдать по его же, царскому указу, надо...

А может, Петру просто было не до подобных тонкостей: он так хочет! Государство – это я! Всё.

Об уверенности царя, что «новомысленная задумка» обойдётся без эксцессов, свидетельствует состав карательной экспедиции: 17 офицеров, 40 солдат, 20 денщиков, 15 подьячих и 80 конных казаков из Азова и Таганрога с их начальными людьми.

В августе 1707 года отряд Долгорукого двинулся из Таганрога на Дон. Каратели выжгли огнём многие станицы и не только пришлых, но и старожилов ка-

заков брали под арест.

«А нашу братью казаков многих пытали и кнутом били и носы и губы резали напрасно, и жён и девиц брали на постели насильно и чинили над ними всякое ругательство, а детей наших младенцев по деревьям вешали за ноги», - читаем мы в документе.

Однако садистские меры не приводили к желанным для властей результатам.

Военное руководство Дона оказалось перед дилеммой: как сохранить право укрывать беглых (иначе где брать ратное пополнение?) и в то же время не разгневать царя!

Дебаты растянулись почти на месяц.

Терпение у казаков лопнуло, и в ночь на 9 октября 1707 года 200 человек повстанцев во главе с Булавиным у Шульгинского городка на реке Айдаре уничтожили часть войска Долгорукого и убили самого князя.

Так на Дону началось и широко разлилось за его пределами мощное народное восстание под предводительством атамана Кондратия Булавина.

В первые дни Булавин намеревался пойти далее по притокам Донца, по городкам Изюмского и Рыбинского слободских полков, к Азову и Таганрогу.

Приазовье в значительной мере олицетворяло в глазах восставших ненавистные для них феодально-крепостнические порядки и насаждаемые царём-реформатором заморские нововведения.

Здесь находились их враги – офицеры, дворяне и иностранцы.

Отсюда на протяжении многих лет велось последовательное наступление на остатки былых казачьих вольностей.

Власти двинули против казаков отряды калмыков. В октябре на Айдаре, близ городка Закотного, повстанцев разбили. Булавин с несколькими приверженцами бежал в Запорожскую Сечь.

Основную роль в противодействии восставшим играло местное «прикормленное» казачество во главе с атаманом Лукой Максимовым и в «лучших» московских традициях – так называемые «имперские инородцы», то есть иностранные наёмники.

На тот момент – калмыки.

...А до того были ордынские татары, затем остзейские немцы и сербы, в революцию 17-го – латыши и китайцы.

Сегодня эта должность возложена на представителей Ичкерии – нового в государственной политике ничего не придумали...

Весной следующего года Булавин вновь пошёл на Дон при поддержке трёх тысяч запорожцев – оказал помощь враг московского царя *«Лютый изменщик Отечеству Российскому»* гетман Иван Мазепа.

Атаман строил план широкой «казачьей коалиции» и совместных действий с украинцем Мазепой против имперского правительства России. Повстанцы создали свою военную организацию и выработали свои методы ведения боя, в основу которых лёг опыт казачьего войска. Ядро булавинцев составляли казаки, беглые солдаты и драгуны; крестьяне же обучались простейшим навыкам военного дела в ходе борьбы.

Повстанцы действовали в конном и пешем строю, сражались в полевых условиях, вели оборону и осаду крепостей. Внезапность и решительность нападения в сочетании с широкой поддержкой населения нередко приносили им успех. В полевом бою повстанцы применяли повозки для прикрытия войск, усиливали свои позиции возведением простейших укреплений, установкой в них захваченных орудий.

Волнения быстро распространились на Верхне- и Нижнеломовской уезды, Левобережную и Слободскую Украину.

Битвы были очень жестокими; а ненависть ко всем «мундирным» и наёмной «неруси» такова, что булавицы казнили чуть ли не всех подряд старым дедовским способом – рвали деревьями пополам.

После ряда небольших побед восставшие двинулись к оплоту местной «вертикали власти» – городу Черкасску.

9 апреля в бою на реке Лисковатке Булавин разбил войско атамана Максимова. Рядовые казаки перешли на сторону победителей, а местные жители схватили самого Максимова и прочих начальников и выдали их булавинцам. (Считается, что отсюда и пошли выражения – «хватил Кондратий», «бьёт кондрашка», «кондрашка-мандраш-ка»).

1 мая и сам Черкасск почти без боя перешёл в руки повстанцев. Они казнили за предательство атамана и ещё пятерых старшин, а их имущество и церковную казну поделили меж собой.

В качестве популистской меры было отписано о понижении цен на хлеб, а Кондратий Афанасьевич объявил, что далее пойдёт «под Азов и под Троецкой и на море».

Собрав (за счёт освобождаемых ссыльных и ка-торжных) достаточное войско, мятежный атаман решил брать Воронеж, а оттуда – ни много, ни мало – начинать поход на Москву.

Из Черкаска он рассылал свои знаменитые «пре-лестные» (прельщающие) письма с призывами не идти с властями ни на какие переговоры и до конца стоять за казацкие права.

«От Кондратия Булавина и всего войска походного Донского в русские города начальным добрым людям челобитья; ведомо им чинят, что они всем войском единократно вкуче в том, стоять им со всяким раде-нием за Дон Пресвятой Богородицы и за истинную веру христианскую и за благочестивого царя и за свои души и головы.

Сын за отца, брат за брата, друг за друга, и уми-рать за одно; а им великим начальным добрым лю-дям и всяким чёрным людям, всем также с ним сто-ять вкуче за одно, и от них обиды никакой ни в чём не опасались бы,

а которым худым людям, и князем, и боярам, и прибыльщиком, и немцом за их злое дело отнюдь бы не молчать и не спущать... ради того, что они вводят всех в еллинскую веру и от истинной веры христиан-ской отвратили своими знаменьями и чудесы пре-лестными...»

Мятежники призывали уничтожить «тех, кто не-правду делает» (бояр, воевод, всех неправедных «начальных людей»), и жить казацким «единомыс-ленным братством».

Одновременно с посланиями по распоряжению предводителя мятежного казачества велись перего-

воры с Ногайской ордой, казаками Кубани – их помощью Булавин старался заручиться на будущее.

Пётр очень беспокоился за Азов и Таганрог.

Командиру новой карательной армии Василию Долгорукому (брату убитого Юрия) последовал приказ всячески хранить южный форпост от «прельщения».

А установленная булавинцами блокада Приазовья всё разрасталась.

Казённые грузы, в том числе жалованье, не могли быть доставлены в край – оправдались худшие опасения царя о том, что восставшие *«все дороги займут и водяной ход, тогда зело будет трудно, и отчаянны оные места»*).

Назревала новая вспышка недовольства.

Резко возросло бегство.

Именно «показавшиеся» беглые крестьяне были основными движущими силами протестного движения. А защитить они старались интересы не столько своего сословия, сколько собственные: в случае удачи крестьяне надеялись стать вольными домовитыми казаками.

Ареал, охваченный восстанием, – область Войска Донского, Приднепровье и Поволжье. Поэтому в нём активно участвовали мелкие посадские люди и угнетённые народности Поволжья (татары, мордва).

9 мая Булавина избирают общевойсковым атаманом.

В новом статусе он счёл возможным обратиться с письменными посланиями к уже не просто *«начальным добрым людям»*.

12 мая пришло письмо в Посольский приказ, 16 – к царским «полководцам», то есть к Василию Долгорукому и Филиппу Шидловскому, а также к белгородскому воеводе, азовскому и киевскому губернаторам.

Следующее послание направлялось – уже лично его царскому величеству государю Петру Алексеевичу!

В проникнутых пафосом *«общей казачьей единобрацкой любви и споможения»* письмах атаман Булавин предлагал урегулировать конфликт между центром и окраинами, но – на его, Кондратия, условиях.

Основное требование, высказанное в письмах, – возвращение к прежним, сложившимся формам отношений. А уж если *«напрасное разорение»* казачьих городков не прекратится, то все просто уйдут *«с Дону на другую реку»!*

С царями, конечно, лучше вообще не разговаривать, а уж так...

Но он наивно надеялся договориться и, в ожидании ответа, рассылал *«грамоты непрестанно, чтоб из городков казаки и своевольцы на Русь и на Волгу для разорения и на войска государевы войною не ходили»*.

А вот отряды его сподвижников – Игнатия Некрасова, Ивана Павлова и Луки Хохлача – уже двигались к Волге (в войске, как оказалось, отсутствовала самая элементарная дисциплина).

Пока письма шли в столицу, сподручные (не слушая своего войскового атамана и не дожидаясь решений власти) в мае 708-го взяли Дмитриевск и попытались осадить Саратов. Попытка успехом не увенчалась,

зато 7 июня сдался Царицын.

В то же время отряды атаманов Семёна Драного, Никиты Голого и Силы Беспалого (какие говорящие фамилии!) уже собирали всех недовольных на Северном Донце и Слободской Украине, а в ночь на 8 июня на реке Уразовой разгромили Сумский полк.

Восстание ширилось, словно степной пожар. Соратник Булавина, Некрасов быстро разжигал новый очаг на волжских берегах.

Однако для дальнейших успешных военных действий необходимо было выдернуть *«царский гвоздь из казачьего сапога»*, то есть отбить ключевую крепость – Азов.

Восставшим удалось взять только предместье этого города.

При атаке крепости они попали под огонь городской и корабельной артиллерии, подверглись контратаке гарнизона и были вынуждены отойти.

Сказалось отсутствие у восставших технических специалистов, в первую очередь – артиллеристов и инженеров. И опять-таки, всё те же проблемы с воинской дисциплиной.

Трудно сказать, как бы развивались дальнейшие события, если бы центральные власти пожелали пойти на переговоры. Но ответа от царя, само собой, не было; потому и выставил Булавин свои главные силы против Азова. И потерял большую их часть.

Следующей серьёзной помехой дальнейшим действиям стало раздробление его отрядов по разным направлениям, а войско восставших и без того было не так уж многочисленно.

Гибель Семёна Драного стала началом конца восстания. Одновременно на Северном Донце потерпели поражение отряды Беспалого.

Между тем, часть старшин, примкнувшая к восстанию, делала ставку именно на этих двух атаманов и, прежде всего, на Драного – как самого последовательного из сторонников вооружённой борьбы за казачьи вольности.

После поражения под Азовом стало ясно, что никакие вольности уже отстоять не удастся, а нужно спасти жизнь и имущество. Поэтому старшины встали на путь предательства.

Верхушка казачества, когда-то готовая *«живота положить»* за Булавина, организовала заговор, явилась с повинной и выдала активистов.

В ночь на 7 июля Кондратий Булавин с десятком своих самых верных сподвижников был атакован более чем сотней заговорщиков. Сопrotивлялся он отчаянно, но погиб при прорыве из загоревшегося лагеря (по другой версии – застрелился сам, не желая сдаваться).

Предпринятых Булавиным усилий – для продолжения военных действий – оказалось крайне недостаточно.

Ко времени начала восстания в гарнизоне насчитывалось около двух тысяч солдат, а в городках на Миусе около пятисот казаков. Восставшие считали, что справятся с ними в два счёта.

Но 11 июля в Таганрог вступили части регулярной армии, и открытое выступление мятежников стало невозможным.

Поражению восстания способствовало и то, что гарнизоны Азова и Таганрога остались полностью верными царю.

С повстанцами довольно быстро расправились. Для устрашения вниз по Дону пустили плоты с казнёнными. А всех пленных отправили в Таганрог на каторжные работы.

Но и после гибели атамана восстание ещё полыхало. Правда, боевые действия велись очень разбросанно. В верховьях Дона действовал отряд Голого, на Волге – отряды Некрасова, Беспалого, Павлова.

Усилия Некрасова объединить действия повстанцев оказались безрезультатными (в очередной раз сыграла свою роль имперская агентура).

В начале 709-го остатки отрядов Некрасова, Павлова и Беспалого (две тысячи казаков) ушли на Кубань.

И только одному из сподвижников Кондратия Булавина атаману Игнату Некрасову удалось уйти с малой частью казаков под покровительство турецкого султана.

Там некрасовцы расселились от устья Лабы до Таманского полуострова; основали казачью общину (Войско Кубанское), имевшую свой свод законов – «Заветы Некрасы».

Вместе с казаками селились и раскольники, пришедшие на Кубань двумя десятилетиями ранее. Все они держались принципа *«Царизме не покорятца, при царе в Расею не ворочатца!»*.

Когда в 1736 году Анна Иоанновна решила столкнуть два казачьих войска и послала на некрасовцев атамана Фролова, остатки бывшего булавинского

войска ушли на Дунай, в болгарскую часть Турции.

И вот так, часть тех – **настоящих казаков** – прожила в Турции вплоть до середины XX века!

В 1962 году потомки булавинцев вернулись – теперь уже – в СССР и поселилась в Ставропольском крае.

Возвратились они **свободными**, сохранившими свою культуру, язык, обычаи и традиции.

Так что, в этом ракурсе дело Булавина – было, в общем-то, – выигрышным.

Что собственно не давало и не даёт покоя имперцам до сих пор, потому что, те, кто выдаёт себя за казаков сегодня – исторически не имеет к ним никакого отношения. Это совершенно другой этнос.

Но ведь и этих, вернувшихся из многовековой вынужденной эмиграции, людей – бывших турецко-подданных, – если честно, чистокровными казаками, вообще-то, не назовёшь. За триста-то лет с коренным дунайским населением они – так или иначе – но смешались...

Каков же итог восстания?

Выступление Булавина было стихийным, локальным, в нём имелись царистские тенденции.

Устремления восставших имели в виду решение внутренних вопросов, волновавших прежде всего не крестьян, а донских казаков.

Одни проблемы были порождены давними социаль-

ными противоречиями на Дону; наличием различных домовитых и голутвенных наказов; отсюда – стремление овладеть Черкасском и истребить ненавистных атамана и старшин.

Другая цель – ликвидировать оплот правительства на Юге: недавно завоеванный Азов и вновь построенный Таганрог.

Тем самым восставшие рассчитывали отвоевать свои старинные права, из чего опять-таки следует, что восстание пеклось о казачьих, а не о крестьянских интересах.

Восстание на Дону было направлено, естественно, против феодального гнёта и распространения крепостничества на новые территории.

Но на территории Дона сроду не было помещичьего землевладения!

Отсюда – отсутствие призывов к ликвидации помещиков, поместий и крепостного права.

На какой-то срок восстание Кондратия Булавина приостановило рост феодальной эксплуатации, но не надолго.

Из всего этого следует, что хотя крестьяне и участвовали в восстании на Дону, но их влияние на ход событий практически не проявилось в той мере, в какой оно обычно прослеживается в крестьянских войнах.

Так что называть это движение «крестьянской войной» – неправомерно.

Бунт?

Да, бунт.

Но вызванный, где-то – просто неразумной, а где-

то – и вынужденно неразумной, имперской политикой.

В результате – беспощадный.

И бессмысленный.

Потому что после карательного похода доблестных царёвых воинов все городки, населённые беглыми крестьянами, были уничтожены; а беглецы с семьями, после жестоких наказаний, возвращены владельцам.

И от донских вольностей остались только воспоминания.

Дон потерял независимость.

Сегодня историки именуют восстание под руководством Кондратия Булавина *«крупным протестным движением казаков (с частью беглых крестьян и городских низов) за сохранение своих исконных привилегий»*.

Весной 1709 года на Дон приехал сам царь.

Здесь его величество приказал «чинить розыск».

Новый донской атаман Илья Зерщиков (вообще-то, предавший Булавина) тут же был казнён как неблагонадежный. На его должность поставили Петра Емельянова.

Затем царь прибыл в Азов, где также многих казнил, а 26 апреля появился в Таганроге.

Провёл следствие и повесил местного протопопа по (ничем, собственно не доказанному) подозрению в связях с Мазепой.

Через две с половиной недели, решив, что он окончательно «замирил» Дон, царь отбыл к Полтаве, куда с другой стороны неумолимо приближался Карл XII.

Война со шведами была в самом разгаре.

И то, чего не смог Булавин, довершили иноземные враги – через два года от Таганрога ничего не осталось.

«ГЛАВНЫЙ ПРЕДМЕТ БУДУЩЕГО ГОДА»

Приазовье находилось под властью турок 24 года. Азов они старались укреплять, а Таганрог был заброшен.

В годы правления племянницы Петра I Анны Иоанновны вспыхнула в 1735 году очередная русско-турецкая война. После четырёхмесячной осады наши войска вновь овладели Азовом, заняли они и Таганрог.

Однако, как всегда, наша союзница Австрия заключила с Османской империей мир.

Оставшись на поле боя одна, Россия 7 сентября 1739 года вынуждена была согласиться на невыгодный договор с турками.

По нему Азов без укреплений оставался в российских границах, а Таганрог – по-прежнему в развалинах, хотя турки здесь не находились.

Наша страна лишалась права на южный военный и коммерческий флот. Торговля на Чёрном и Азовском морях могла вестись исключительно на турецких судах.

Таганрогу не повезло во второй раз.

На искусственном острове Черепашка, (где ранее был многопушечный петровский бастион), российское командование через несколько лет после подписания договора о мире с Турцией, выставило дозор казаков, а ещё позже здесь был устроен таможенный карантин для торговых судов.

Не все корабли могли пройти к Темерниковской таможене под Ростовом, поэтому от таганрогской таможенной заставы казаки на лодках перевозили товары к Темернику.

В начале XVIII века военное командование пыталось перевести казаков на положение обыкновенных гарнизонных солдат и лишить их прав выборности своих старшин. Таганрогский казачий полк, естественно, возмутился. В результате – был распущен, а весь состав расформированного полка переселили в станицу Новониколаевскую (ныне – Новоазовск).

На место казаков правительство поселило более послушных греков-колонистов.

На протяжении 50 с лишним лет таганрогская гавань, крепость и город лежали в развалинах. Предпринятая было, в 30-е годы XVIII века, попытка возродить военно-оборонительные сооружения Таганрога не увенчалась успехом.

Восстановление города стало возможным только в ходе следующей русско-турецкой войны 1768-1774 годов, открывшей перед Россией реальную возможность стать черноморской державой.

Второе, как его называют – «подлинное», рождение Таганрога связано с именем Екатерины Великой.

Русские войска вернулись на эту землю окончательно.

Отряд под командованием бригадира Станислава Дежедераса в апреле 1769 года вступил в разрушенный город.

Ударную силу в отряде составляла кавалерия из 500 казаков.

Осенью по распоряжению императрицы был вновь сформирован Таганрогский казачий полк и поселён по берегу Миусского лимана. В полк было указано брать *«к службе годных и способных, не престарелых и не увечных, не весьма молодых, но посредственных лет здоровых людей, которые бы имели у себя к службе годных две лошади и вооружены были исправным ружьём, парой добрых пистолетов, саблей и пикою...»*

В соответствующем Указе Екатерины II сообщается: *«Таганрогскую гавань отдаём мы совсем в ведомство вице-адмирала Сенявина с тем, чтобы оную поставить в такое состояние, чтоб она могла служить убежищем судам, так и для построения оных, а тем паче галер и других судов ... и чтоб в будущую кампанию 1770 года флотилия во оной уже зимовать могла...»*

В личном письме Алексею Наумовичу Сенявину императрица уточняет задачи на 1770 год:

«Главный предмет будущего года на Азовском море, кажется, быть должен для закрытия новозаведённых крепостей, чтоб сделать нападение на Керчь и Тамань и завладеть сими крепостями, чтобы через

то получить зунд (пролив) Чёрного моря в свои руки и тогда нашим судам свободно будет крейсировать до самого Цареградского канала и до устья Дуная».

Троицкую крепость быстро восстановили на старых фундаментах.

От неё и начал расти город – это наглядно демонстрирует сохранившийся план 1808 года.

Одновременно были учреждены адмиралтейство и корабельная верфь.

Восстановленный Таганрог в 1775 году официально утвердили городом Азовской провинции.

После разгрома некогда знаменитой и грозной Запорожской Сечи 16 августа 1775 года, под Таганрогом поселили запорожских казаков. Затем их перевели в разряд государственных крестьян.

Именно они образовали села Николаевку, Покровское и Троицкое. Впрочем, не только запорожцы переселились под Таганрог. От наступления крепостнических порядков в Миусский округ бежали представители и всех украинских казаков. Которых тут же следом и закрепощали.

Первая общеармейская форма для казаков была введена именно в Таганрогском и Азовском полках. Сначала в Таганрогском полку она была зелёной, а затем поменялась по общевойсковым стандартам.

И именно в этом полку на поселении в нынешнем хуторе Каймакчи жили Павловы (семья сестры Емельяна Пугачёва). Сюда и приезжал в конце февраля 1771 года в гости к родственникам будущий вождь мощной антифеодальной войны.

По Кучук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 года Азовское море целиком перешло в состав России. В её руках оказалась и Керчь, открывавшая выход в Чёрное море.

В 1778 году началось судостроение в Херсоне, туда перешли военные суда, положив начало русскому Черноморскому флоту.

Таганрогскую крепость упразднили.

К концу XVIII века границы Русского государства всё дальше и дальше отодвигались на Юг. Таганий Рог оказался в глубоком тылу и потерял военно-стратегическое значение, хотя вплоть до 1783 года город продолжал оставаться основной операционной базой русского военно-морского флота на Юге.

Именно ему принадлежит пальма первенства в установлении экономических связей России с зарубежными странами через южные моря.

Вообще, первые попытки завязать торговлю с зарубежными странами через крепость Таганий Рог восходят ещё к концу века XVII.

В сентябре 1699 года в город пришли первые турецкие суда *«с товары для торгового промысла»*.

Прибывшие на них сообщали, что *«торгаши многие под Таганрог ехать збираютца с товары»*.

Но тогда иностранная коммерция в Таганроге продержалась недолго.

Интересы безопасности военно-морской базы и крепости взяли верх. В августе 1701 года таганрогский воевода доложил в Москву, что иностранным купцам, уезжавшим после торгов домой, было сказано, чтобы они *«впередь из своей стороны к Троецко-*

му никогда не ездили, а ездили б со всякими товары к Азову».

Лишь во второй половине XVIII столетия Турции пришлось пойти на заключение выгодных для России торговых договоров. Одним из условий был свободный проход русских кораблей через Босфор и Дарданеллы.

Итак, на месте крепости появился шумный торговый порт – Таганрог.

На его причалах, базаре, бирже теперь можно было увидеть богато разодетых армянок и донских казаков, встретиться с бывшими запорожцами, а также с греками и албанцами, поселившимися в Таганроге и его окрестностях по указу Екатерины.

О присутствии греков на территории Нижнего Подонья и Приазовья в очень отдалённую от нас эпоху мы уже говорили в начале повествования.

Археологический материал подтверждает основание в VII веке до н. э. в непосредственной близости от устья Дона греческой торговой фактории.

Так что, случившееся в XVIII веке массовое переселение эллинов в Таганрог пошло уже по ранее проторенному пути – на давно облюбованные территории.

Занималась этим сама императрица.

С началом войны Екатерина Алексеевна предприняла различные позитивные меры по установлению тесных контактов с христианским населением Османской империи.

Алексей Орлов и Григорий Потёмкин убедили госу-

дарыню в том, что в борьбе с оттоманцами жизненно необходима помощь греков как на суше, так и на море!

Потёмкин представил «великий план» так называемой «восточной системы», где основная роль отводилась Греции.

Для выхода к берегам Пелопоннеса стал готовиться русский флот.

При дворе разговоры об Элладе были очень популярны.

Екатерина ввела в моду наряд, называемый «гречанкою». Она постоянно обращалась к древней истории и даже сама написала многоактную пьесу «Олег», насквозь проникнутую греческим духом.

Накануне русской военно-морской экспедиции в Архипелаг *«греки волновались, слухи о скором их освобождении от турок приводили их в восторг»*. Так охарактеризовал настроения греческого населения академик Евгений Тарле.

18 февраля 1770 года русская флотилия вошла в порт Витулио – там располагались воинственные горные кланы майнотов, на протяжении столетий не покорявшиеся туркам!

Вспыхнуло восстание. К русскому флоту присоединились греческие суда.

Вот так греки приняли участие в знаменитой Чесменской битве.

Но эта война не привела к ожидаемому крушению турецкого господства на островах Архипелага. Она лишь вызвала огромную волну греческой эмиграции.

Опасение репрессий со стороны турок и жажда спокойной жизни в христианской стране (с одной стороны) и осознание важности услуг и жертв, принесённых русскому делу (с другой), вот причины, вызвавшие у греков желание переселиться в Россию.

Да и потом, приглашают не на север! Не в продуваемый же всеми ветрами ледяной Сам-Петербурх, однако...

А на Юг. Довольно тёплый морской Юг.

28 марта 1775 года на имя командующего российской флотилией поступил следующий рескрипт (читать его сложновато, но разрешите привести документ полностью):

«Божиею милостью, Мы, Екатерина II Императрица и Самодержица Всероссийская и проч., и проч., и проч., и проч. Нашему генералу Алексею Орлову:

Всемилоостивейше рассматривая поднесённое Нам от имени всех служащих при флоте под предводительством вашим греков прошение: майора Константина Георгия и капитана Стефана Мавромихали, – находим,

что утверждённая свидетельством Вашим похвальная их к Нам и отечеству Нашему служба учиняет достойными всемилоостивейшего Нашего уважения, что и исполняем Мы силою сего, повелеваем вам

(не только всем тем, кои и честь и славу победоносного Нашего оружия в минувшую войну подвигами своими утверждали, но и родственникам их и словам всем благонамеренным)

объявить Высочайшим Нашим именем, что правосудие и природная Наша к общему добру склонность, приемлет их под праведный свой покров, чиня всем

оним в отечестве Нашем прочное и полезнейшее со всем семейством их пристанище, и что человеколюбивое Наше сердце не престанет никогда о благосостоянии и пользе единоверного общества сего печься, изъявляя на первый случай по упомянутому прошению их Высочайшую Нашу волю...»

Согласно царскому указу, греки в течение года получили право на переселение на территорию Российской империи.

Эмигрантам предоставлялась денежная ссуда для проезда. Перевозили их русские корабли на земли при крепостях Керчь и Еникале, на побережье Азовского моря и в Таганрог.

Российское государство брало на себя все расходы по возведению *«храмов Божьих и всего домостроительства...»*, *«содержание крепости в надёжном для жителей состоянии»*.

Екатерина специальным указом освободила переселенцев на 30 лет от всех податей и рекрутского набора. По истечению этого времени греки должны были платить подати в казну в расчёте не из числа душ, а из числа фамилий.

Греческое купечество наделялось такими же правами, как и российское.

Государыня повелела: *«Для наблюдения внутреннего благочиния и всякого звания торговых дел учредить магистрат из греческого купечества способом избрания в оный судей чрез всякие три года...»*

В новых поселениях создавались военные училища *«для воспитания юношества и приготовления оногo к службе»* и казенные госпитали и аптеки для *«сохра-*

нения здоровья, как военнослужащих, так и всех тамошних поселян...»

Год спустя российская императрица распорядилась ежегодно отпускать греческим общинам (включая и таганрогскую) по 72 тысячи рублей.

Для иноземных новосёлов комендант Таганрога Дежедерас отвел на форштадте целый квартал, который и по настоящее время называется Греческой улицей.

В 1781 году здесь была открыта греческая церковь Святых Константина и Елены.

Затем, постепенно, греки – дворяне из военных и земледельцев – стали из города уходить, а в Таганроге остались только торговцы.

Военные греки (согласно указанию светлейшего князя Потёмкина) расселились по Миусу близ Павловской крепости и там составили две роты. Впоследствии из этих рот образовали греческий батальон, командиром назначили Антона Дмитриади, а капитаном – Димитрия Алфераки.

А земледельцы – Холяра, Аслан, Караяни, Геродоматос, Палама, Стаса, те же Алфераки, – заняли места от Миусского лимана по берегу моря до рек Самбек и Каменка.

Историк Филевский отмечал:

«В Таганрог переселились преимущественно военные и более зажиточные, которые могли рассчитывать на торговые занятия... Т. е., контингент греческого населения в Таганроге был, так сказать, более аристократичен сравнительно с другими греческими поселениями России».

Многие приезжие воспринимали Таганрог как некое «греческое царство».

Они сами этому общественному мнению подыгрывали, даже писали о себе шутливые стихи:

*Приехали Алфераки
И привезли печёные раки.
Приехало Аверьино
И привезло с собой вино,
Приехали Скуфали
И появились кефали,
Образовался Амира
И закричал «Ура!»,
А как наехало Попандопуло
Так всё полопало.*

Греки были самыми богатыми людьми в городе, а некоторые – Вальяно, Алфераки, Депальдо, Скараманга, Муссури – так самыми настоящими графами Монте-Кристо.

Могущество этих купеческих семейств было хорошо известно не только в России, но и во многих странах Европы.

Греческие негоцианты принимали активное участие в финансировании благотворительных заведений. В истории Таганрога остались имена И. А. Варваца, построившего Иерусалимский монастырь, основавшего первую городскую больницу и детский приют; Г. Ф. Депальдо, завещавшего городу деньги на строительство Каменной лестницы и создание староприимного дома для престарелых моряков.

Греческими жителями Таганрога было выстроено значительное число особняков, которые и сегодня являются шедеврами местной архитектуры.

Итак, Таганрог оказывался единственным пунктом огромного Юга страны – пригодным практически – для организации широких торговых операций с за-границей.

Одессы, Мариуполя, Бердянска, Ейска ещё не было. А Керчь, Еникале, Николаев, Херсон, Азов и Ростов просто ещё не могли взять на себя эту роль.

В 1776 году в Таганрог переводится таможня из Те-мерника, а в 805-м создаётся Таганрогский таможен-ный округ. На градоначальника возлагалась обязан-ность попечителя купеческой торговли на Азовском море.

Через год город получил право складирования ино-странных товаров, чуть позднее учредили коммерче-ский суд, ведавший всеми торговыми делами Таган-рога, Ростова, Нахичевани и Мариуполя.

Вплоть до начала XIX века город Таганрог являлся основным внешнеторговым портом на Юге, важней-шим центром, связывавшим Россию со странами Ближнего Востока и Южной Европы.

Свидетельством такого важного торгового значения является тот факт, что 1860 году (когда он уже, соб-ственно, уступил первое место Одессе) в Таганроге – разрешите перечислить: Австрия, Бельгия, Велико-британия, Греция, Испания, Мекленбург-Шверин, Не-аполь, Нидерланды, Норвегия, Ольденбург, Парма, Португалия, Пруссия, Рим, Сардиния, Тоскана, Тур-ция, Франция и Швеция – держали своих консулов.

...Мы должны знать и помнить труды, силу и упорство наших предков – Петра Великого, его соратников, противников, преемников, офицеров, моряков, солдат, казаков, крестьян, мастеровых и рабочих.

Мы живём в стране, созданной их волей, потом и кровью.

...Выход в Азовское море стоил России огромных усилий.

Азов брали штурмом и осадой три раза и два раза отдавали (но не в бою, а по договорам).

Троицкую крепость строили трижды и два раза уничтожали собственными руками.

Были жестокие бои, но много больше – тяжёлого труда.

И всё равно – победа!

Первая часть сборника «Город у моря» знакомит читателя с историей города Таганрога от начала строительства до конца XVIII века.